

18+

ВЛАДИМИР ЛЮКОВ

СОЛНЕЧНЫЙ ДОМ

БЫТЬ
ЧЕЛОВЕКОМ
ЧАСТЬ 3

Владимир Люков

**Быть человеком. Часть
3. Солнечный дом**

«Издательские решения»

Люков В.

Быть человеком. Часть 3. Солнечный дом / В. Люков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-596281-2

Многое из того, что происходило в 60-е годы прошлого века, до сих пор оказывает большое влияние на нашу жизнь. Это было время, когда под воздействием развивающейся на Западе молодёжной поп-культуры и с появлением культовых идолов, прежде всего «Битлз» и «Роллинг стоунз», в СССР стали появляться первые вокально-инструментальные ансамбли. Братья Нащокины, также охваченные этим увлечением, создают свою музыкальную группу.

ISBN 978-5-00-596281-2

© Люков В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Плоскиров	7
Проскуров	9
Хмельницкий	14
Первые впечатления	15
Школьная пора	21
Эхо минувшего	25
В начале	27
Учителя	31
Музыка	37
КВН	39
Дебют	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Быть человеком

Часть 3. Солнечный дом

Владимир Люков

Редактор, корректор, дизайнер обложки Кирилл Владимирович Люков

© Владимир Люков, 2023

ISBN 978-5-0059-6281-2 (т. 3)

ISBN 978-5-0059-6282-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Я верю, есть на свете
страна, где у солнца дом...*

Виталий Люков

Пролог

Весь день они провели на колёсах и в Хмельницкий въезжали уже в темноте. Братья с любопытством глазели по сторонам. Даже сквозь небольшие автомобильные окошки было видно, что это довольно крупный город, тем более в сравнении с Нестеровым. Всё-таки областной центр. Улицы были неплохо освещены, особенно центральные.

Подъехав к дому, выгрузили только посуду, постельные принадлежности и прочую мелочёвку.

Кое-какие предметы казённой мебели, передаваемые по наследству от одних жильцов следующим, здесь уже имелись. В том числе и кухонная утварь, как то: стол, тумбочка, полки, табуретки.

На ночь машины уехали в часть, а утром, по звонку, должны были вернуться, чтобы выгрузить остальной скарб...

Плоскиров

XV – XVIII вв. (историческое отступление)

Первые упоминания о Плоскирове появились в XV веке. Это был ещё не совсем городок, который и упомянут был лишь благодаря добротному изготовлению ковров. А, по сути, это было небольшое имение, с населением в три тысячи человек, которым владела семья, принадлежавшая к знатному шляхетскому роду.

Первые жители, образовавшие поселение, которое спустя несколько веков преобразуется в город Проскуров, нынешний Хмельницкий, селились на восточном берегу реки Плоской, в месте слияния с Южным Бугом. Поселение было идеально защищено природными условиями. С севера – Южный Буг, с запада – река Плоская, с востока и юга – непроходимые болота. И, в дополнение, вокруг ещё был выкопан глубокий ров с подъёмным мостом. Сочетание слов Плоская и ров определили и название поселения Плоскиров.

Территория современной Хмельницкой области с XII и до середины XIV вв. входила в состав Галицко-Волынского княжества, располагавшегося в границах Юго-Западной Руси и принадлежащего представителям русской правящей династии Рюриковичей. Как следует из названия, возникло оно в результате объединения Галицкого и Волынского княжеств потомком Владимира Мономаха князем Романом Мстиславовичем.

Столицами княжества в разное время были Галич, Холм и Город Львов. Холм и Город Львов были основаны в XIII веке сыном князя Романа Даниилом Галицким, ставшим впоследствии королём Руси. Такой титул даровал ему папа Римский.

Город Львов, в таком сочетании звучало первоначально название города, основанного им в 1286 году. А назвал он его в честь своего сына Льва Данииловича. Из многократно разрушенного Галича и сожжённого Холма он перенёс столицу в этот город. С этого момента Город Львов стал не просто главным городом Галицко-Волынского княжества, но и фактически центром королевства Русского.

За галицко-волынское наследство Рюриковичей велась многолетняя война между Литвой и Польшей. В 1367 году Подолье, а вслед за этим и многие другие земли Руси, включая Киевщину, были захвачены княжеством Литовским.

Еще за сто лет до этого Великий князь литовский Миндовг сподобился принять католичество и с согласия папы римского короновался как «король Литвы». Теперь же, с захватом новых земель, литовский правитель стал именоваться как «король литвинов и многих русинов». Официальными языками Литовского государства были западнорусский и латынь.

В середине следующего столетия эти земли, более чем на триста лет, попали под власть и управление Речи Посполитой. Началась целенаправленная колонизация населения. Именно поэтому официальным стал польский язык, а государственной религией, соответственно, было католичество.

За время трёхсотлетнего польского господства в Подолье были построены около десяти сторожевых сигнальных укреплений – городков, предназначенных для оповещения и защиты местных жителей от бесчисленных набегов крымских татар. Одним из таких укреплений было и плоскировское. Наиболее укрепленный городок, Каменец-Подольский, становится центром Подолья.

Во время казацких восстаний (1648 – 1654 гг.) против польского владычества, татары выступали союзниками запорожцев. Плоскиров несколько раз переходил из рук в руки, в результате чего население его практически полностью было вырезано.

В 1654 году по просьбе гетмана Запорожской Сечи Богдана Хмельницкого и в соответствии с народным волеизъявлением – «Волим под царя московского, православного!» –

территории Войска Запорожского вошли в состав Московского государства. Земский собор в Москве и Рада в Переяславе утвердили воссоединение их с Россией законодательно: «Боже утверди, Боже укрепи, чтоб навеки мы были едины!».

Полтавская, Киевская, Черниговская губернии, часть Подолья и Волыни присоединились под именем Малой России к России Великой. Для России Переяславское соглашение привело к приобретению земель Западной Руси, в том числе древнего Киева, который на протяжении веков московские великие князья и государи считали своей вотчиной.

С 1672 по 1699 год земли Подолья и Волыни, не вошедшие в состав России, были оккупированы Турцией. За столь короткое время турки истребили значительную часть местного населения.

Поэтому поляки, снова завладевшие, после ухода турок, этой территорией, стали заселять её переселенцами из Польши. Именно они и составили впоследствии основу католического населения.

Проскуров 1795—1954 гг.

Лишь после второго раздела Речи Посполитой, который был проведён между Российской империей и Пруссией в 1793 году, эти земли целиком вошли в состав Российской империи в качестве Подольской губернии. Плоскиров был переименован в Проскуров и стал центром Проскуровского уезда.

Жизнь, которая прежде еле теплилась, стала потихоньку оживать. Строится железная дорога. Начался приток нового населения. Стали строиться заводы, соответственно росло число жилых домов, магазинов, выкладывались мостовые. Развивается и культурный быт, открывается первый театр, реальное и коммерческое училища, женская гимназия. Проскуров постепенно становится крупным развивающимся городом, важным торговым центром.

А в 1822 году в городе случился большой пожар, который уничтожил практически все постройки, документы и материальные ценности.

После пожара, в том же 1822 году, впервые был составлен генеральный план новой застройки города. План имел чёткое деление на улицы, кварталы, площади и усадебные участки. Разработка плана была завершена через два года.

22 января 1824 года император Александр I, утверждая новый план застройки Проскурова, поставил собственноручно размашистый автограф прямо посередине листа чертежа.

Подпись случайно легла вдоль намеченной на плане почтовой дороги на Летичев. После утверждения он сразу же был отправлен к исполнению в Проскуров. И один из местных чиновников, рассматривая «Высочайше заверенный» план, высказал мнение, что император, якобы, таким образом пожелал этой улице дать название в честь своего Августейшего имени. Переспрашивать императора, так ли это, конечно, никто не стал, но улицу, на всякий случай, назвали Александровской. Со временем эта улица интенсивно застраивается и становится центральной улицей города.

Забегая вперёд скажем, что после социалистической революции 1917 года и установления советской власти название Александровская некоторое время сохранялось, но уже в 1921 году, в преддверии пятой годовщины революции, её переименуют в улицу 25-го Октября.

По тому же генеральному плану застройки Проскурова планировалось обустройство большой торговой площади. Под эти цели отвели место на окраине. В то время там простирался довольно обширный луг, в середине которого располагалась великолепная дубрава. Часть дубов пришлось спилить. По периметру площади построили торговые лавки и складские помещения, а в центре оставили место для торговли с телег.

Площадь получила название Хлебная. Она стала основным местом для проведения торгов и ярмарок в Проскурове. Торги проводились еженедельно по пятницам и воскресеньям, а с 5 по 12 июня устраивалась большая летняя ярмарка.

В эти дни Хлебная площадь и прилегающие улицы выглядели необычайно оживлёнными. Из окрестных сёл и городков съезжались купцы, помещики, ремесленники и крестьяне. Здесь продавались и покупались различные товары, заключались сделки и договора. Одновременно работали многочисленные аттракционы, выступали бродячие актёры, приезжал цирк и даже зверинец. Все окрестные харчевни работали круглосуточно.

Все последующие годы Проскуров продолжал интенсивно разрастаться, и скоро Хлебная площадь стала слишком мала для проведения ярмарок. В 1888 году городские власти приняли решение о переносе главной торговой площади ближе к вокзалу – на пустырь, идущий вдоль

центральной улицы Александровской. Тогда-то эта дорога и стала первой мощёной улицей в городе. В настоящее время на этом месте стоят корпуса городской больницы.

А высвободившуюся Хлебную площадь городские власти отдали под размещение большого военного гарнизона 46-го Днепровского полка, что, несомненно, стало значительным событием в городе. Торговые лавки и склады были переоборудованы под казармы, а ярмарочную площадь приспособили под плац.

Именно на этом плацу довелось маршировать молодому двадцатилетнему подпоручику, выпускнику 3-го Александровского военного училища, будущему писателю Александру Куприну, начавшему свою службу в этом прославленном полку в 1890 году.

Покидая в столь юном возрасте Москву, Куприн был искренне уверен в том, что теперь он – элита общества, а все остальные – «шпаки» (штатские) и «штафирки» (подкладки). Он же теперь – «господин офицер» и «ваше благородие».

Эти обращения были приятны для его слуха и именно их рассчитывал он услышать, впервые сходя на перрон Проскуровского вокзала. Но, вместо этого, местные евреи, дежурившие там днём и ночью, наперебой предлагали людям в форме гостиницу, квартиру, женщину на ночь, а ещё себя... в качестве транспорта. Засучив штаны, они готовы были за пятак тащить желающих на своем горбу.

Дело в том, что городок стоял на густом чернозёме и без специальных калош, именуемых «черпатами», ходить по улицам было рискованно. Можно было и утонуть в непролазной грязи.

Местный быт того времени шокировал молодого офицера. Видимо, впечатлившись им, а может быть со скуки, он и начал писать свои первые произведения, в которых, вполне естественно, отображал свою жизнь в полку и какие-то наиболее яркие картинки городской жизни. Правда делал это втайне от сослуживцев, которые, наверняка, сочли бы подобные увлечения недостойными для офицера.

В то время и вплоть до начала XX века Проскуровские мещане и интеллигенция имели традицию в выходные и праздничные дни проводить свои полуденные часы на вокзале. Куприн красочно описал это в своей повести «Поединок»: «... вокзал служил единственным местом, куда обыватели ездили частенько покутить, встряхнуться и даже поиграть в карты. Ездили туда и дамы к приходу пассажирских поездов, что служило маленьким разнообразием в глубокой скуке провинциальной жизни...».

Без сомнений, наиболее значимым и ярким местом, приковывавшим внимание и симпатии общества, было офицерское собрание. Здесь, кроме развлечений, посетителей окружало искреннее радушие, внимание и широкое хлебосольство. Офицерское собрание 46-го Днепровского пехотного полка открылось в 1875 году в самом центре Проскурова на улице Александровской.

А спустя сто лет, на этом самом месте будет построен ЦУМ (центральный универмаг).

Во времена Куприна офицерское собрание занималось организацией досуга офицеров и членов их семей. Также здесь устраивались балы, праздничные вечера, утренники для всех желающих гражданских лиц без исключения, что делало его настоящим культурным центром уездного города. Большой популярностью пользовался ресторан, расположенный в здании Офицерского собрания, и любой, более-менее приличный, проскуровский «шпак» стремился попасть туда.

Очень красивый двухэтажный особняк возводится в 1880-х годах рядом с офицерским собранием. Вокруг него разбили прекрасный сад и всё это великолепие обнесли по периметру кованой оградой. Одним из лучших домов в Проскурове, коим он, несомненно, являлся, владел в то время потомственный почётный гражданин города, купец 1-й гильдии, известный сахароводчик Соломон Маранц.

Дом впоследствии несколько раз перестраивался, пока не приобрёл свой окончательный вид. Позднее, в период гражданской войны, в нём разместится штаб отдельной кавалерийской бригады Григория Котовского.

Вслед за этим здесь будут находиться различные советские и военные учреждения. В 30-х годах в здании будет располагаться окружное отделение НКВД, а затем, вплоть до начала Великой Отечественной войны, особый отдел НКВД пятой армейской кавалерийской группы.

И только после окончания Великой Отечественной войны, завершившейся полным разгромом гитлеровской Германии, здание будет переоборудовано под Дворец пионеров.

В 1893 году завершилось строительство новых казарм за железной дорогой, в районе современного Дубово, и Днепровский полк перемещается туда. Освободившаяся от военных Хлебная площадь обезлюдела, но, впрочем, ненадолго.

Уже через два года, в 1895 году, городская управа принимает решение – на месте бывших казарм разбить городской сад. Спланировали аллеи, насадили деревьев, обнесли территорию забором. Благоустройство сада было завершено в 1902 году.

К 300-летию дома Романовых городская дума планировала даже строительство на территории сада главного городского Собора и обратилась в Комиссию по празднованию с предложением о присвоении саду наименования «Романовский». Но планы не осуществились. Возможно, прошение было отклонено, да и в городском бюджете на это не было средств. Поэтому в 1904 году ограничились только постройкой временной часовни.

В первые годы советской власти сад переименовали в «Парк культуры и отдыха имени Коцюбинского». Вокруг него установили новое ограждение, соорудили красивый парадный вход. Тогда же на его территории открываются шахматный павильон и читальный зал.

В конце XIX века в городе появляется первый частный театр. А через несколько лет открывается городская библиотека им. А. С. Пушкина и, следом, уездный музей.

Перед первой мировой войной в городе действовало уже 59 промышленных предприятий и ремесленных мастерских, работало 418 магазинов. Недаром говорили, что в Проскурове столько магазинов, сколько дверей в его домах.

Таким образом, уже в начале XX века Проскуров всё больше приобретает черты города, развивающегося промышленного и культурного центра.

В 1914 году на Балканах вспыхнул Австро-Сербский конфликт, переросший в первую мировую войну. Европа раскололась на два враждующих лагеря: Германия и Австрия с одной стороны и страны Антанты (Франция, Англия, Россия) с другой.

17 июля, на следующий день после объявления в России всеобщей воинской мобилизации, Подольскую губернию, как пограничную с Австрией, перевели на военное положение. А уже 19 июля в Проскуров прибывает генерал Алексей Брусилов, назначенный командующим Проскуровской группы войск, преобразованной в 8-ю армию Юго-Западного фронта.

В Проскурове был развёрнут военный госпиталь, куда с началом боевых действий стали поступать многочисленные раненые. Простой сестрой милосердия работала в этом госпитале родная сестра императора Николая II великая княгиня Ольга Александровна.

В ходе гражданской войны, вспыхнувшей вследствие революции 1917 года, город несколько раз переходил из рук в руки. Симон Петлюра, провозгласивший в 1919—1920 годах Украинскую народную республику (УНР), три раза размещает тут свою Директорию – правительство, которое сбежало сюда из Винницы в ходе стремительного наступления 1-й Украинской советской дивизии. При нём город переживает несколько жестоких еврейских погромов. В планах петлюровцев было полное уничтожение еврейского населения города.

6 июля 1920 года Проскуров был освобождён частями 8-й Червоноказачей дивизии под командованием комдива Примакова.

С 1923 по 1937 годы Проскуров относится к Винницкой области, Украинской ССР, а с 1938 года областным центром становится Каменец-Подольский.

В первые годы советской власти большая торговая площадь у вокзала в основном пустовала, ярмарки уже не проводились, торговые ряды и магазинчики разобрали, а на их месте высадили плодовые деревья. Только в 1935 году большую часть сада отдают для нужд Проскуровского гарнизона и там начинают возводить типовые четырёхэтажные дома для семей военных, попросту ДОСы, т.е. дома офицерского состава. На то время это были лучшие многоквартирные дома в городе, оснащённые водопроводом и канализацией.

В 1936 году на постоянное местопребывание в Проскуров прибыла отдельная танковая бригада. Танкисты расположились в только что выстроенном военном городке, занимавшем два квартала, начиная от центральной улицы и до берега Южного Буга.

В 1940 году Проскуров находится в круговороте важных событий. В Доме Красной Армии, построенном за год до этого напротив здания бывшего Офицерского собрания, расположился полевой штаб оперативного управления Южного фронта под командованием генерала армии Жукова. Начальником штаба фронта назначается генерал Ватутин.

Южный фронт был создан на базе войск Киевского Особого военного округа и имел задачу освобождения Северной Буковины и Бессарабии от оккупации Румынией и воссоединения этих территорий с СССР. Румынская оккупация продолжалась уже 22 года.

За короткое время Георгий Жуков посетил почти все части Киевского военного округа, подавляющее большинство которых находилось на территории области.

В ноябре 1940 года, в городе состоялось торжественное открытие нового кинотеатра имени Чкалова, за которым в центральном парке культуры и отдыха имени Коцюбинского обустроили летнюю танцплощадку. На площади перед главным входом, где был установлен памятник Ленину, на праздничный митинг по случаю открытия нового кинотеатра собрались тысячи горожан, играл оркестр, звучали пылкие слова выступающих. В этот же день состоялся и первый киносеанс – демонстрировали новую комедию «Музыкальная история». Кинотеатр им. Чкалова сразу стал гордостью города и по праву вошёл в число лучших на Украине.

В марте 1941 года Проскуров становится административным центром Каменец-Подольской области и в Доме Красной Армии тут же обосновался обком партии. Но ненадолго.

22 июня, в результате вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, началась Великая Отечественная война, и в здании разместился командный пункт Юго-Западного фронта под командованием генерал-полковника Кирпоноса. 6 июля было принято нелёгкое решение об отводе войск, а фактически отступлении под натиском противника.

8 июля в Проскуров вошли части гитлеровской армии. В Доме Красной Армии расположился немецкий гебитскомиссариат. С 1941 по 1944 годы город находился под жестоким оккупационным режимом.

Проскуров был важным стратегическим центром для немцев. В нём дислоцировались штабы группы гитлеровских армий «Юг» и 1-й танковой армии. За время оккупации немцы сильно укрепили его. Кроме того, вокруг города генерал-фельдмаршал Манштейн сконцентрировал более 500 танков, вкопанных в землю для стрельбы прямой наводкой, накопил крупные силы артиллерии и пехоты. Была создана разветвлённая система минных полей.

На окраине города, в районе Раково, нацистами был устроен концентрационный лагерь особого режима для военнопленных «Шталаг 355». Он располагался на территории бывшего военного городка, который обнесли по периметру колючей проволокой. Здесь всё оставалось, как до войны: добротные казармы, аккуратные аллеи, дорожки, площадки с турниками и брусками, подвесные умывальники. Не было только травы, она исчезла. Её до самых корешков и даже с корнями вырвали и съели пленные, обнажив утрамбованную тысячами ног землю. Кормили их баландой из немых, нечищенных овощей, собранных на соседнем поле, что привело к эпидемии дизентерии, унесшей жизни большого числа военнопленных.

Из-за антисанитарных условий и огромного количества вшей в лагере свирепствовал сыпной тиф. Условия были настолько ужасающие, что один день, проведённый в лагере,

казался годом. За неполных два года его существования нацистами там было уничтожено около 60 тысяч человек.

Во время оккупации, кинотеатр и танцплощадка в парке продолжали работать, но в конце 1943 года состояние гитлеровских войск на фронте осложнилось настолько, что оккупантам стало уже не до развлечений. Они ужесточили и без того невыносимый оккупационный режим. Участились облавы и расстрелы.

Фронт приближался к Проскурову. В кинотеатре устроили госпиталь для раненых немецких солдат. Умерших хоронили прямо в парке, за кинотеатром.

25 марта 1944 года в ходе Проскуровско-Черновицкой наступательной операции войсками 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова, проходившей во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта под командованием маршала Советского Союза Конева, Проскуров был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. В ходе освободительных боёв погибло 3252 красноармейца.

Непосредственное участие в боях за освобождение города принимал и младший лейтенант Николай Нащокин, командовавший огневым взводом батареи 45 мм пушек.

В честь освобождения Проскурова 25 марта в 10 часов вечера Москва салютовала 20 залпами из 224 орудий.

После освобождения города обком партии снова обосновался в Доме Красной Армии. Лишь в начале 1950-х годов он переехал в другое место и здание снова перешло в распоряжение военных, после чего его название было изменено на гарнизонный Дом офицеров.

Сразу после завершения Великой Отечественной войны в мае 1945 года в Проскуров было передислоцировано 2-е Горьковское танковое училище, после чего оно стало именоваться Проскуровским.

Хмельницкий 1954—1970 гг.

В 1954 году, в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией, Проскуров переименовывается в Хмельницкий, а область становится Хмельницкой. Город стал активно застраиваться и развиваться. Строится величественное здание Дома Советов, на котором были установлены часы и шпиль с пятиконечной красной звездой. Двухметровые фигуры рабочего и колхозницы украсили фасад здания. Огромная площадь перед ним становится центральной.

В городе строятся музыкальный театр и филармония. Воздвигнуты памятники Богдану Хмельницкому, А. Макаренку, Т. Шевченко, Н. Островскому.

Создаются новые парковые зоны. Центральным и наиболее живописным и любимым горожанами стал Комсомольский парк, раскинувшийся в месте слияния рек Плоской и Южного Буга.

Проводится очередная реконструкция и парка имени Коцюбинского. Аллеи парка заасфальтировали, открыли аттракционы, а в 1966 году рядом с кинотеатром Чкалова построили детский кинотеатр «Зирочка».

В 1958 году Хмельницкое танковое училище перевели на Дальний восток, в город Благовещенск Амурской области, а территория городка перешла в распоряжение 17-й гвардейской мотострелковой дивизии.

В 1970 году часть дивизии была передислоцирована в Венгрию, а на высвободившейся территории было основано Хмельницкое высшее артиллерийское командное училище (ХВАКУ).

Первые впечатления 1966 год

Вовка проснулся, едва первые лучи солнца проникли сквозь не занавешенное ещё окно комнаты на третьем этаже. Это была одна из двух небольших комнат, выделенных им для временного проживания, в трёхкомнатной коммунальной квартире.

В дальнейшем предусматривалось, что подполковнику Нащокину будет предоставлена отдельная квартира в одном из первых трёх домов, которые уже возводились во вновь образованном микрорайоне «Выставка».

Вовка сощурился от яркого солнечного света и с удовольствием потянулся. Тут-то ему в голову и пришла шальная мысль, пока все спят, выйти на улицу и обследовать близлежащие окрестности. Он бесшумно, стараясь не потревожить спящих братьев, оделся и тихонько, на цыпочках, выскользнул в коридор.

Для начала обошёл вокруг дома, высматривая табличку с адресом. – Ага! Вот она! Улица Шевченко, дом, номер... А вот теперь можно и осмотреться, что да как.

Таких кирпичных четырёхэтажек было несколько. Целый городок. Отец накануне назвал их ДОСы, т. е. Дома офицерского состава. Это даже хорошо, легче будет найти общий язык со сверстниками, обитающими тут. Дома образовывали целый квартал между улицами Шевченко и 25-го Октября.

Улица Шевченко представляла собой утопающий в зелени бульвар, центральная часть которого была засажена ярко-красными сальвиями. Ближе к перекрёстку, образованному пересечением её со Староконстантиновским шоссе, она заканчивалась монументальным памятником Тарасу Шевченко.

Вовка вернулся во двор и, пройдя через него, вышел на параллельную улицу 25-го Октября. Он уже знал, что это центральная улица. Вот здорово! Значит они будут жить в самом центре.

Было раннее воскресное утро и людей на улицах практически не наблюдалось. Дворники, правда, уже вовсю мели во дворах, а птичье многоголосье создавало праздничную атмосферу. Мимо, по дороге, проползла поливалка, щедро раздавая по сторонам мощные радужные потоки воды, оставляя за собой мокрый, сверкающий в лучах утреннего солнца асфальт.

По первым впечатлениям город ему понравился. В отличие от мрачно-серого, наштипованного средневековыми, хотя и не лишёнными величия и строгой красоты, строениями Нестерова, Хмельницкий выглядел просторным, светлым, очень зелёным и, наверняка, более открытым и приветливым городом. А сколько здесь цветов! Куда не кинешь взгляд, всюду клумбы, скверы.

Вовка пошёл направо вдоль улицы, как он полагал, к центру. Пройдя мимо станции юных техников, вышел к стадиону «Динамо» с красивой колоннадой на входе. Мачты освещения стадиона хорошо видны были из окна их комнаты.

На противоположной стороне – сплошная стена зелени, сквозь которую просматривались спортивные площадки и павильоны. Над парадным входом большими буквами значилось, что это парк имени Франко.

А вот далее, судя по всему, школа. Возможно, он будет учиться именно здесь. Сразу за ней, в великолепном зелёном скверике, обставленном изящными скамейками, – превосходный памятник великому пролетарскому писателю Максиму Горькому. Он хорошо смотрелся на высоком гранитном постаменте, среди плакучих ив, окружённый клумбами с яркими цветами, искусно подобранными в форме красочного орнамента.

Дальше, у гарнизонного Дома офицеров стоял на постаменте танк Т-34. И опять же: цветы, цветы, цветы.

Напротив, через дорогу, – какие-то старые строения неопределённого назначения, а чуть правее, контрастируя с ними, – красивый двухэтажный особняк с выступающим вперёд главным входом, украшенным четырьмя колоннами. На фронте большими буквами значилось, что это Дворец пионеров.

Привлекал внимание своей ослепительной новизной отель «Жовтневый», белым парусом взлетевший на возвышение и, как бы, парящий над соседствующими с ним строениями. Величественная и довольно широкая лестница тремя маршами спускалась от парадного входа, к лежащей значительно ниже мостовой. Видно было, что это новое, только что возведённое здание, с частично снятыми строительными лесами. В нём ещё идут отделочные работы, но предназначение его уже было определено наличием разноцветных неоновых, внушительного размера, букв, закреплённых на крыше, составляющих его название.

Далее – широкоэкранный кинотеатр имени Чкалова, с памятником Ленина перед ним. Слева, как с иголки, компактный детский кинотеатр «Зирочка». За ними раскинулся парк культуры и отдыха имени Коцюбинского, что было обозначено над симпатичным колонным входом правее кинотеатра.

Вовка крутил головой во все стороны, подмечая, как много тут было разных магазинов и магазинчиков. А вот музыкальное училище, Дворец культуры, столовая, ресторан. А там филармония и в ней ещё один кинотеатр. Потрясающе красивый почтамт, за ним – банк.

И завершала улицу треугольная площадь. В левой её части, словно оазис, очень уютный миниатюрный сквер, среди которого расположился живописный фонтан с фигурками лягушек по кругу, выплёвывающих журчащие фонтанчики к центру композиции, где стояли длинноногие цапли, вытянувшие свои шеи к небу. Из их клювов, заданных кверху, на все четыре стороны били упругие струи воды. Мельчайшие частички её, преломляясь в лучах утреннего солнца, образовывали чётко различимую и, в то же время, абсолютно прозрачную, чистую, как хрусталь, радуго.

По кругу, под раскидистыми плакучими ивами, стояли удобные скамейки. На некоторых уже сидели, несмотря на раннее, не разогретое ещё августовским солнцем утро, страдающие бессонницей местные «жаворонки». Они сосредоточенно шелестели страницами утренних газет, купленных тут же, в стоящем неподалёку киоске «Союзпечать».

За сквериком – восхитительное, облицованное гранитом, четырёхэтажное здание универмага с двумя мощными колоннами на входе. Напротив, через площадь, располагалась, судя по возвышавшейся каланче, пожарная часть. Вовка пошёл дальше, минуя универмаг, до пересечения с улицей Фрунзе. Она шла влево на подъём и застроена была, за редким исключением, тоже совсем недавно. Даже невооружённым взглядом видно было, что город активно развивался и отстраивался.

По дороге проезжали уже машины, автобусы, следующие по определённым маршрутам. Вокруг сновали люди, спешащие побыстрее добраться до своих рабочих мест.

Местные старожилы, которым, явно, уже торопиться было некуда, замерев на месте, нежились в лучах утреннего солнца, высматривая знакомых. Иные же из них степенно прогуливались по довольно просторным тротуарам, отражаясь в поражающих своей чистотой витринах. Встречая знакомых, останавливались, приветствуя друг друга на каком-то языке, напоминающем немецкий, обменивались двумя-тремя ничего не значащими фразами и, учтиво откланявшись, неторопливо следовали дальше.

Вовка обратил внимание на то, что и лица у прохожих – улыбочные и приветливые, а не такие насупленные и напряжённые, какие обычно встречались в Нестерове.

– «Ну, пожалуй, на первый раз и хватит» – размышлял он, удовлетворённый совершённой прогулкой. – «Есть, где разгуляться».

Возвращался он уже по противоположной стороне улицы. Вовка вполне обоснованно осознавал себя первооткрывателем. Было полное ощущение того, что он очутился в совершенно другом государстве. Более открытом, светлом и дружелюбном. В голове неотступно крутилась популярная песня Бабаджаняна «Лучший город Земли», которая полностью соответствовала его настоящему, приподнятому настроению.

* * *

Вернувшись домой, он увидел, что все уже встали. Успели даже познакомиться с соседкой, так как ночью, когда приехали, видели её только мельком. Как выяснилось, глава семьи в данное время находился в военном госпитале на обследовании. А их единственный сын, уже год как, проходил срочную службу в одной из воинских частей нашей необъятной Родины. Пока завтракали, Вовка успел поделиться своими впечатлениями.

– А ещё тут некоторые на немецком языке говорят, я сам слышал. Тут, что ли, немцы живут?

– А-а! Так это местные евреи, они между собой на своём языке и общаются, а он похож на немецкий, – вмешалась соседка, что-то готовившая на газу. – Причём, как правило, пожилые. А молодёжь-то, поди, уже и не знает своего языка. А вообще-то, тут все больше на русском разговаривают.

– А почему здесь их много, а в Нестерове не было совсем? – недоумевал Вовка. – Они разве не везде живут?

– Потому что война была и их уничтожали в первую очередь, – пыталась объяснить Тамара Анатольевна. – Особенно в тех местах. Нестеров ведь, по сути, еврейский город был до войны. А сейчас единицы остались, да и те предпочитают не высываться.

– Ну, так и здесь ведь была война? – не унимался Вовка.

– Зато здесь не было бандеровцев. – подвёл черту Валерка.

После завтрака обсудили, как расставить привезённую мебель. Когда определились, Нащокин позвонил в часть. Выслушав рапорт дежурного, он попросил позвать к телефону ефрейтора Плыкина. Плыкин – водитель служебного ГАЗ-069 или козлика, кому как угодно, с которым они вчера и приехали. Видимо, последнего не было на месте, и дежурный пытался объяснить почему. Не дослушав, Нащокин взорвался, на скулах заходили желваки.

– Вы что там, совсем охренели?! Да я... его...! Да чтоб...! Трое суток ареста!!! Найти срочно и доложить! – и с яростью хлопнул трубку на рычаг.

Все присутствовавшие при этом замерли, опасаясь попасть под раздачу.

– Коля! Ну разве так можно? Держи себя в руках. Что, хоть, там случилось? – Тамара, как могла, пыталась успокоить его.

Николай Иванович резко развернулся в её сторону, в глазах его ещё сверкали искры, но, осознав, что он тут не один, махнул рукой и уже более спокойно объяснил причину своей несдержанности.

– Да устроили там бордель, понимаешь! Дежурный доложил, что Плыкин какую-то Алку намывает да наглаживает! Разболтались совсем! Ну, я их научу Родину любить, чтоб служба мёдом не казалась!

В это время пронзительно зазвонил телефон. Николай Иванович, не успевший ещё отойти от аппарата, резко поднял трубку.

– Слушаю, Нащокин! – некоторое время он слушал молча, сурово сдвинув брови к переносице, но потом, удовлетворившись, видимо, услышанным, уже более сдержанно ответил:

– Ладно, приезжайте, жду! – аккуратно положив трубку на рычаг, он чему-то улыбнулся.

Все облегчённо выдохнули и вопросительно смотрели на него.

– Алка – это, видите ли, машина. Плыкин её так называет по буквам на номере. Ну, всё! Хватит об этом! Своё он всё равно получит! Пошли встречать, сейчас подъедут!

Ближе к вечеру, когда всё привезённое имущество было расставлено по местам и все вещи разложены по полкам, братья вышли на прогулку. По пути остановились у табачного киоска и Валерка, рассматривая представленный там ассортимент, спросил:

– Что-нибудь хорошее есть?

– Так, ото ж! «Подо-ольские»! – с удивлением, недоуменно воскликнула киоскёрша, будто её спросили о чём-то абсолютно несуразном. – Ну так шо-о, будете брать, чи шо-о? Тогда платите четырнадцать копеек, – поторапливала она.

Валерка рассчитался, и они пошли дальше. На ходу прикурив, сделал глубокую затяжку.

– Да, действительно хорошие. Будешь? – спросил он Вовку.

– Не надо, – отмахнулся тот, – просто дай разок дёрнуть. – Валерка протянул ему свою сигарету. Вовка сделал пару затяжек. – И правда неплохие! С хлебным духом, – согласился он, возвращая её обратно.

Витька, напрочь не выносивший табачного дыма, бросил на него осуждающий взгляд и недовольно покачал головой. Сам он вёл умеренно здоровый образ жизни и усиленно занимался культуризмом.

Посмотрев однажды в Нестеровском Доме офицеров американский фильм «Подвиги Геракла», в котором главную роль сыграл культурист и актёр Стивен Лестер Ривз, он настолько впечатлился атлетическими формами последнего, что потерял покой и сон, решив сделать всё возможное и невозможное, чтобы походить на своего кумира. Он до умопомрачения выжимал штангу и играючи управлялся с пудовой гирей, виртуозно перекидывая её с руки на руку, отчего торс его с течением времени заметно принимал всё более атлетические формы, а пресс был ярко выражен эффектными кубиками.

Поэтому, вполне естественно, что к никотину он относился абсолютно отрицательно. Но выпить, при случае, чего-нибудь горячительного мог абсолютно спокойно, не испытывая при этом никакого дискомфорта.

– Интересно, где их производят? – Валерка покрутил невзрачную на вид пачку и прочитал: – Каменец-Подольская табачная фабрика, Хмельницкая область. Угу, замётано...

Неожиданно двое рослых, в изрядном подпитии, парней встали у них на пути.

– Пацаны! Дайте закурить и вам ничего не будет..., – развязно начал один и ослабил.

– Вон там дают, – указал Валерка на табачный киоск и демонстративно убрал пачку в карман.

Он, бесспорно, дал бы закурить любому, нуждающемуся в этом, незнакомцу. Ведь и сам не раз «стрелял» у прохожих, когда была нужда. Но хамов надо учить.

– Я не понял! А ты шо-о, король? – продолжил обескураженный незнакомец, удивившись тому, что его не узнали и не оказали должного почтения.

– Тебя это колышет? – невозмутимо, ни один мускул не дрогнув, парировал Валерка.

– А ты шо-о? Такой смелый? Чи шо-о? – незнакомцы явно были в некотором замешательстве.

– Хочешь проверить? – спокойно, глядя прямо в глаза своему визави, спросил Валерка.

Витька с Вовкой, многозначительно переглянувшись, сделали шаг вперёд, встав по бокам, чуть позади задиристых оппонентов, готовые в любой момент прийти на помощь старшему брату. Валерка же сунул руку в карман и нащупал кастет, который, на всякий пожарный, всегда был под рукой, намеренно давая понять, что с ним такие номера не проходят.

– В другой раз, как-нибудь, – стушевались те и, обойдя Валерку с двух сторон, двинулись дальше. – Живите пока, ещё встретимся, – пригрозили они, чуть отойдя.

Валерка резко развернулся на месте, но они ускорили шаг и предпочли удалиться.

– Вот козлы! – в сердцах произнёс он. – И это в первый день. Всё настроение испортили! Везде одно и то же. Ладно, пошли уже!

Они прошлись тем же маршрутом, которым Вовка пробежался утром. Уже стемнело, включили иллюминацию, зажглись неоновые вывески магазинов. Это добавило новых красок и ощущений. В некоторые они заходили. Просто так, из любопытства.

Народу на улице заметно прибавилось. В основном, это была молодёжь. Подростки, целыми стаями, бесцельно бродили туда-сюда. И, что характерно, почти у каждого во рту торчала сигарета. Девчонки-школьницы, как правило парами, расфуфыренные и причепуренные, дефилировали с деловым видом из конца в конец, иногда переходя с одной стороны улицы на другую. Стреляя по сторонам глазками из-под накрашенных густо ресниц, взрывались порой беспричинно громким хохотом, пытаясь, видимо, таким образом привлечь к себе постороннее внимание.

Проходя мимо магазина со светящейся витиеватой надписью «Струмок», что в переводе на русский означает «Ручеёк», братья увидели через широкое панорамное стекло целую стену автоматов с газировкой и решили зайти попить. Внутри топталось немало народу. В ассортименте был большой выбор газированных напитков и соков. Тут же на стене висели аппараты для размена мелочи.

Валерка углядел, что один из автоматов был заправлен белым креплёным вином, по двадцать копеек за пятьдесят грамм. Он стал выгребать из карманов всё содержимое, выбирая нужные монетки. Набрав необходимое количество, он наполнил до краёв гранёный стакан и в несколько глотков опустошил его. Вовка налил себе крем-соды за три копейки, вкус которой он помнил ещё с Ужгорода. В Нестерове таких автоматов не было, поэтому, увидев крем-соду здесь, он, не раздумывая, выпил сразу два стакана. Утолив жажду, они пошли дальше.

Со стороны кинотеатра «Чкалова» доносилась громкая музыка. Подойдя ближе, они поняли, что это играют в парке, за кинотеатром.

– Посмотрим? – спросил Валерка.

– Давай, глянем! – охотно согласились братья.

Они обошли здание кинотеатра и увидели позади него огороженную вкруговую, возвышающуюся над землёй танцплощадку, заполненную народом. Вокруг, снаружи, стояли многочисленные зеваки, с интересом наблюдавшие за происходящим внутри. Некоторые, находясь в состоянии подпития, пытались прорваться внутрь. На входе дружинники и милиционер жёстко пресекали попытки незаконного проникновения.

С эстрады доносилась популярная песенка из репертуара Тамары Миансаровой, в исполнении солистки местного эстрадного коллектива:

Руды-руды-руды-руды-ры,
А по-русски – рыжик.
Руды-руды-руды-руды-ры,
Окажись поближе.

Руды-руды-руды-руды-ры,
Я к тебе с поклоном,
Руды-руды-руды-руды-ры,
Будешь ты солёным.

В центре площадки группа не совсем трезвых молодых людей, образовав круг, извивалась, изображая твист.

– Стиляги! – осуждающе косились на них традиционно танцующие пожилые пары.

Немного поглазев, братья направились домой, по пути делясь полученными впечатлениями и предстоящими переменами в своей дальнейшей жизни. Вот Валерка скоро пойдёт служить. Ему ещё надо встать на воинский учёт. Три года! Это же целая вечность! За это время Вовка уже и школу успеет закончить. А Витька, который к тому времени тоже будет в армии, ещё года полтора дослуживать будет. Младшему брату – Гаврошу четыре года исполнится, а Вальке все семь. Он по-прежнему живёт в Киеве у бабушки с дедушкой. Наверняка, и в школу там же пойдёт.

Витька завёл речь о том, что неплохо бы и им сколотить свою музыкальную группу. Будет чем заняться на досуге. Для начала, нужно будет с первой полочки ещё одну гитару прикупить и каждый день играть потихоньку, тренироваться. Он сам, да Вовка, а там, глядишь, ещё кого-нибудь привлекут. А в перспективе, когда младшие подрастут, можно и семейный коллектив организовать. Развивая эту идею дальше, стали сразу придумывать варианты названий. Тут были и «Братья», и «Родственные души». Так за разговорами и дошли до дома.

Наутро первым ушёл на службу старший Нащокин. Оставшиеся тоже распланировали дела на день. Тамара Анатольевна с Вовкой собирались пройтись по школам, записаться. Заодно и форму нужно купить, прежняя мала уж стала. А то до начала учебного года осталось пару недель. Пролетят – не заметишь.

Валерка пойдёт в военкомат становиться на воинский учёт, а Витьке нужно ехать устраиваться на работу. По справочнику выбрали завод «Трансформаторных подстанций». Правда ещё ближе, буквально в двух шагах, были кондитерская и мебельная фабрики, но их даже не рассматривали, считая, что парню нужно получить серьёзную мужскую профессию, которая обеспечила бы его куском хлеба, желательнее ещё и с маслом.

Друг за другом, все разошлись по своим делам. Соседка вызвалась в их отсутствие присмотреть за маленьким Гаврошем, который, на удивление, абсолютно спокойно отреагировал на перспективу остаться с чужой тётёй.

Тамара с Вовкой зашли в первую на пути школу №19, которую Вовка заметил ещё накануне. Директор очень вежливо отказал им, сославшись на то, что все классы уже укомплектованы и порекомендовал им обратиться в школу №16, которая находилась неподалёку, на улице Розы Люксембург.

– Это рядом, за кинотеатром Чкалова, – подсказал он.

Пройдя мимо кинотеатра, до перекрёстка, они свернули налево и пошли вдоль парка Коцюбинского по шедшей на подъём улице Розы Люксембург.

Школа №16 как раз находилась напротив парка, через дорогу. Эта школа, бесспорно, была гораздо больше той, в которой они только что побывали. На этот раз им повезло и Вовку, без проблем, записали в восьмой «А» класс.

Выйдя из школы, они вновь спустились к центру и, свернув налево, пошли мимо «Струмка» до конца улицы, к ЦУМ (у). Здесь они рассчитывали купить школьную форму и это им удалось.

В целом день сложился для всех удачно.

Валерка встал на воинский учёт в военкомате. Призыв проводился один раз в год с 1-го октября по 31-е декабря, и он попросил отправить его куда-нибудь подальше с первой партией. Ему очень хотелось, чтобы это произошло поскорее, так как надоело находиться в состоянии неопределённости и совсем не хотелось попасть под статью о тунеядстве. Теперь же оставалось только дождаться повестки.

Витька, побывав в отделе кадров завода, написал заявление о приёме на работу слесарем-сборщиком и получил направление на медкомиссию.

Школьная пора 1966 год

Лето неумолимо близилось к концу. Витька уже работал на заводе, а его братья в это время занимались изучением окрестностей и достопримечательностей города, знакомились из доступных источников с его историей. По воскресеньям, уже втроём, ходили в кино или на пляж в Комсомольском парке. Ходили также посмотреть, как идут строительные работы на Выставке, где практически завершено было возведение первых трёх пятиэтажек, в одной из которых им вскорости предстояло жить.

Так потихоньку, улица за улицей, они осваивали новые территории и пространства. Узнавали какие районы города считались безопасными, а в какие пока лучше было не соваться. Везде были свои порядки, которые устанавливала местная шпана, в той или иной мере связанная с криминалом. Были и признанные лидеры в этих кругах, сумевшие силой и авторитетом подчинить их своему влиянию. Они считались тут королями. Их так и называли: король Гречан, король Дубово или Раково. Иногда между ними происходили довольно крутые разборки, в которые вовлекалось множество людей, в основном подросткового и юношеского возраста, вынужденных выступать на чьей-либо стороне, отстаивая сомнительные интересы главарей.

* * *

Сентябрь ожидаемо пришёл на смену августу. Начался новый учебный год. Вовка теперь был единственным школьником в семье.

В классе его приняли хорошо. Соседом по парте у него был Олег Орлов, по прозвищу Граф. Вовка быстро и легко нашёл с ним общий язык, и они вполне закономерно стали друзьями.

Олег был очень открытым и общительным парнем. Знал невероятное количество анекдотов и обладал большим талантом доносить их до слушателей. Он был очень артистичен, мог сходу спародировать не только голос, но и повадки практически любого человека. Это было настолько правдоподобно и узнаваемо, что ни у кого не возникало вопросов по поводу личности, им изображаемой. Он и планировал в будущем стать артистом и нисколько не сомневался ни в правильности выбора, ни в своих способностях.

Граф почти на голову был ниже Вовки. Их даже иногда так и называли: длинный и короткий. Но, будучи человеком амбициозным и самолюбивым, он не хотел мириться с таким положением и прилагал немалые усилия к тому, чтобы изменить эту ситуацию в свою пользу. Он стал регулярно принимать витамин «А», который теперь постоянно присутствовал в его карманах. А при каждом удобном случае грыз морковку, насыщая свой организм каротином. К тому же, Граф записался в секцию баскетбола, быстро усвоил все премудрости игры и стал фанатично отдаваться этому виду спорта, уделяя ему почти всё свободное время.

Примечательно, что в восьмом «А» классе образовалось целое «дворянское собрание». Помимо Графа оно было представлено Князем, Герцогом и Бароном. С учётом Вовки оно расширилось, сделав и его своим членом, с присвоением ему почётного титула Лорд. Но иногда его именовали Милордом.

Почти все ребята-одноклассники были курящими. На переменах все курильщики выходили на перекур на улицу. Но никто из них не осмеливался курить на открытом пространстве, демонстративно. Как правило, курили в туалете, находящемся во дворе, на некотором удалении от здания школы и обнесённом высокой кирпичной стеной. Подальше от учительских глаз.

Или за школьными мастерскими, где на уроках труда простыми и доступными методами прививали школярам какие-никакие трудовые навыки.

Между мастерскими и зданием школы была оборудована спортивная площадка. Она занимала большую часть дворового пространства. Стандартный школьный двор.

Большую перемену в школе обычно использовали для небольшого перекуса. В основном обходились принесённым из дома бутербродом или просто яблоком, что позволяло сделать это быстро, без каких-либо заморочек. Те же, кто проживал рядом со школой, успевали даже сбегать домой.

Вовка из дома ничего не приносил, стесняясь есть у всех на виду. Но и кланчить у других: «Дай кусить» – он считал для себя не приемлемым. И даже если кто-нибудь, по доброте душевной, хотел с ним поделиться, он гордо отказывался. Хотя некоторые, нисколько не смущаясь, умудрялись и своё съесть, и у других попробовать.

Его новые приятели: Граф, Туз и Филип после звонка на большой перерыв торопились первыми выскочить на улицу. По разговорам Вовка понял, что они бегали за пирожками, которые продавались где-то неподалёку.

Как-то Граф уговорил его пойти с ними, за компанию. Они спустились по Розы Люксембург до пересечения с улицей 25-го октября, где с лотка продавались жареные пирожки по четыре копейки за штуку. Они были свежие, с пылу с жару, с начинкой на любой вкус. Обычно – с мясом, рисом, капустой или с повидлом, но бывали ещё варианты. Двух штук вполне хватало, чтобы насытиться, так как они были довольно увесистые и плотно набитые начинкой.

Сообразив, что у Вовки нет денег, приятели купили пирожки и на его долю. Он стал, было, отказываться, но всё случилось так непосредственно и от чистого сердца, что он не устоял.

– Бери, жуй! Разбогатеешь – отдашь!

Вовке больше всего понравились с капустой и повидлом.

Купив пирожки, они зашли в «Струмок», где можно было спокойно перекусить, запивая газировкой. Хочешь с сиропом за три копейки, или без сиропа, всего за одну копейку. По времени они спокойно укладывались, даже успевали ещё потом перекурить.

Дома Вовка рассказал Тамаре Анатольевне, что задолжал ребятам за пирожки и она стала давать ему целый рубль на неделю. Теперь уже Вовка стал ходить с друзьями на равных. Из этих денег ему удавалось выкроить ещё и на сигареты. О том, что он курит, само собой, никто не догадывался.

Он покупал те же «Подольские» по 14 копеек, которые тут курили все. Для разнообразия пробовал и «Приму» с «Астрой» за те же деньги, но «Подольские» всё же были лучше. Ну, а когда бывал «на мели», покупал «рассыпные» по копейке за штуку. Такое тут практиковалось повсеместно.

Туз сидел за впереди стоящей партой. Внешне он выглядел щуплым, даже тщедушным подростком. Но за такой внешностью скрывался очень живой, подвижный, с импульсивным характером молодой человек, на пустом месте готовый взорваться и тут же кинуться в атаку. Достаточно было косога взгляда, брошенного на него, как он пускал в ход кулаки. Дня не проходило, чтобы он с кем-нибудь не подрался. Действовал смело, нахраписто, не взирая на соотношение сил и не соответствие весовых категорий. И всегда выходил победителем. Но, при этом, с одноклассниками, а тем более, со своими друзьями и товарищами никогда не конфликтовал и был весьма дружелюбен. К тому же он был не курящий, в отличие от других.

Лёня Сосис, он же Филип, являл собой полную противоположность Тузу. Высокий, хорошо сбитый, улыбчивый и добродушный, несколько меланхоличный рубаха-парень, всегда готовый прийти на помощь и поделиться последним. Он сидел позади Графа и Лорда, за последней партой, а прежде отличился тем, что просидел в седьмом классе два года.

Иногда, вместо похода за пирожками, Граф бежал домой, поскольку тоже проживал в шаговой доступности. Бывало и Вовка бегал с ним за компанию.

Жили они в маленьком старом домике, разделённом на две половинки, с палисадником. В каждой половине по комнатке, но с отдельными входами. В одной половинке размещался Олег с родителями, в другой – сестра с мужем. Обстановка очень скромная. Всё только самое необходимое.

Мать работала официанткой в привокзальном ресторане и иногда ей удавалось что-нибудь принести домой. А отец работал не то экскаваторщиком, не то крановщиком. Вовка особенно не заикливался на этом. Выпивал, конечно. А кто не выпивал тогда, по пальцам пересчитать можно. Но не в этом дело. Главное, что родители у Олега были замечательные. Очень доброжелательные, приветливые и отзывчивые. Несмотря на видимую бедность, они готовы были обогреть и накормить любого.

Обычно, проходя из школы домой, Вовка обедал. На большой кухне в это время собирались все обитатели коммунальной квартиры. Приходил на обед и отец. Управление КГБ, где он работал, было буквально в трёх минутах ходьбы, как раз напротив памятника Горькому. Приезжать на обед на машине, которую теперь все домашние иначе, как «Алкой», и не называли, не имело никакого смысла. Отобедав, он ложился на полчаса отдохнуть, а если удавалось, то и вздремнуть.

А тем временем на кухне, пока хозяйки занимались своими насущными делами, Вовка проводил для них настоящую политинформацию, рассказывая о международном положении.

Они с интересом слушали его, так как у самих на дотошное чтение газет времени не оставалось. Так, если что, по верхушкам просмотрят и то ладно. И Вовкина инициатива была, как нельзя, кстати.

В классе тоже регулярно проводились политинформации. Докладчик, назначаемый в порядке очерёдности, согласно списка в журнале, классным руководителем Эльвирой Сергеевной, делал краткий, минут на пять-десять, обзор новостей, выбранных из газет по своему усмотрению. Как правило, для этих целей использовали «Комсомольскую правду», которую вместе с «Moscow news» в обязательном порядке выписывали все одноклассники.

Для кухонных же политинформаций, которые не имели ограничений по времени, все необходимые сведения Вовка черпал из многочисленной прессы, выписываемой отцом. Он предварительно просматривал все газеты и журналы, а затем самые интересные, по его мнению, сюжеты, пересказывал, а некоторые статьи даже зачитывал вслух.

Особенно его интересовали процессы, происходившие в последнее время в Китае. Культ личности Мао Цзэдуна и культурная революция, проводимая им. Ведь с тех пор, как в 1949 году гоминьдановское правительство Чан Кай Ши бежало на остров Тайвань, а материковое государство провозгласило программу построения социализма, Советский Союз оказывал им всевозможную помощь и поддержку. Китаю были возвращены КВЖД и Порт-Артур, предоставлялись кредиты и советники. Земли кулаков и помещиков были переданы крестьянам, все частные предприятия преобразованы в государственно-капиталистические со смешанной формой собственности.

Летом 1966 года 72-летний китайский руководитель Мао Цзэдун переплыл великую китайскую реку Янцзы в городе Ухани, что было широко растиражировано в китайской, а вслед за тем и в мировой прессе.

Ширина реки в этом месте составляет более полутора километров. Течение очень сильное, с водоворотами, и она считается весьма опасной и рискованной для плавания. Правда, председатель Мао плыл не один, а в сопровождении многочисленных соратников по партии.

Событие это было не столько спортивным, сколько политическим и имело большой резонанс в мире. Ведь всего полтора года назад пленум ЦК, прошедший в Москве, отправил на пен-

сию 70-летнего советского руководителя Никиту Сергеевича Хрущёва в связи с преклонным возрастом и состоянием здоровья.

72-летний Мао решил таким образом показать всему миру и, в первую очередь Китаю, что он в прекрасной физической форме и чтобы его ближайшие соратники и соперники, которые жарко дышали ему в спину, не имели никаких оснований ссылаться на его возраст, желая отодвинуть его от руля. Тем не менее, это был его последний заплыв. Всего же за последние десять лет он проделывал это 42 раза.

За месяц до этого «исторического события» председатель Мао и его соратники, прежде всего его жена Цзян Цин, провозгласили начало «культурной революции» в Китае.

Бесчинства хунвейбинов и дзаофаней, отрядов красных охранников, которые были мобилизованы «великим кормчим», так называли Мао в Китае, для борьбы с ревизионистами, проходили повсеместно. Отряды хунвейбинов состояли из студентов и школьников, а дзаофаней – из рабочих. Они громили различные госучреждения и парткомы, заставляя их сотрудников каяться в «контрреволюции». И, что ни день, в этой стране происходили какие-нибудь новости, которые тут же отображались во всей мировой прессе, а в нашей, так в первую очередь.

Этим процессам посвятил свою шуточную песню «Возле города Пекина» Владимир Высоцкий, актёр московского театра «На Таганке». Впрочем, в то время это имя ни о чём ещё не говорило. Он был известен разве только заядлым московским театралам.

Китай целенаправленно шёл на разрыв с Советским Союзом, обвиняя его во всех своих неудачах и провалах, как во внешней, так и внутренней политике. Началом разрыва отношений двух стран стал пленум ЦК Компартии Китая в июне 1960 года, отвергнувший советский тезис о мирном сосуществовании с капитализмом.

А уже спустя два месяца, в августе, из Китая были отозваны все советские специалисты. Ещё больше обострились отношения двух стран после требования Китая в 1963 году вернуть ему все территории, отторгнутые Россией в XIX веке. Даже дикторы китайской радиостанции, вещавшие на советскую аудиторию на русском языке, начинали свои передачи словами: «Здравствуйте советские граждане, временно проживающие на нашей территории»...

Эхо минувшего 1966 год

Как-то утром, по пути в школу, Вовка обратил внимание на то, что напротив Дома офицеров скопилась разнообразная строительная техника. Стенобитная машина с огромным металлическим шаром, закреплённым на конце стрелы, бульдозеры, экскаваторы. Они распределились вокруг старого, построенного сто лет назад, ещё при царе, и давно заброшенного, полуразрушенного строения бывшего Офицерского собрания, приспособленного впоследствии под склады, а теперь невольно ставшего обычным мусоросборником. Оно было как бельмо на глазу, рядом с великолепным зданием Дворца пионеров и новеньким отелем «Жовтнэвий».

Догадавшись, что началась подготовка к сносу, Вовка подумал, что давно уж надо было бы это сделать. Глядишь, построят что-нибудь стоящее. Надо будет у бати спросить, он-то, наверняка, знает.

Свернув на улицу Розы Люксембург, он сразу заметил идущего впереди Графа.

– Олег! – окликнул его Вовка, – Притормози!

В непосредственном общении друзья обращались к друг другу по имени.

Уже на подходе к школе они увидели идущих навстречу Туза и Филиппа. Поздоровавшись, вместе вошли в школьный двор. Прямо на входе наткнулись на уборщицу тётю Цилю, ну куда же без неё. Серые волосы выбились из-под повязанной вокруг головы косынки. Сходство со сказочной бабой Ягой в исполнении Миллиара было стопроцентным. Опершись на швабру, она придиричиво осматривала всех входящих.

– Наше Вам с кисточкой! – поравнявшись с ней, громогласно изрёк Граф, сооротив чудную гримасу.

– Иди уже, шут гороховый! – с деланной строгостью цыкнула она и отвела в сторону руку со шваброй, давая понять, что с ней шутить не надо.

– Давай, не задерживай! – подтолкнул его и Туз, шедший следом.

Тётя Циля продолжала смотреть пристально, с нескрываемой подозрительностью оглядывая Вовку. Замыкающий Филипп даже засмеялся.

– Да свои мы, свои! Что? С памятью плохо или, таки, зрение подводит?

– Давай, проходи, двоечник! Иди уже новые получай! – парировала она. – Да ноги вытирай получше! Не намоешься тут за вами.

После первого урока, на коротком перекуре, Вовка поделился с пацанами своими утренними наблюдениями.

– Неплохо было бы смотаться, посмотреть. Место ведь, как-никак, историческое. Можно что-нибудь интересенькое найти. Монеты или даже оружие. А что? Запросто! А то начнут площадку выравнивать, всё заруют. Ищи свищи тогда.

Решили сбегать на большой перемене и посмотреть, что там, да как.

Едва прозвенел звонок, возвещавший о начале большой перемены, друзья дружно устремились на улицу. Чтобы сократить расстояние, направились наискосок через парк Коцюбинского. Выйдя на центральную улицу между Чкальником, как в просторечии звучало название кинотеатра имени Чкалова, и Зирочкой, они сразу увидели, что на том месте, где ещё утром, вполне себе, торчали какие-то постройки, ничего уже не было. Видать, всё уже поносили. Только толпа зевак собралась вокруг.

– И чего они там высматривают? Вот ведь народ! Хлебом не корми, дай поглазеть!

– Даёшь хлеба и зрелищ!

– Вот понабежали! Всё позатопчут!

– А, вдруг, там клад отрыли? Или бомбу нашли?

– Да если бы нашли, всех бы, как ветром, сдуло. Тут что-то другое. Не зря же столько любопытных собралось.

Так, на ходу комментируя увиденное и строя догадки, приятели достигли цели своего похода.

На площадке стояла тишина, не соответствующая обстановке. В нос ударил какой-то затхлый запах. Люди молча смотрели вниз перед собой. Друзья, протиснувшись сквозь толпу, пробрались вперёд и замерли в шоке. Перед ними были подвальные помещения, открывшиеся взорам присутствовавших после того, как демонтировали верхние перекрытия. Только теперь они поняли, что так привлекло внимание горожан.

Отсеки, отгороженные друг от друга толстыми кирпичными стенами, были заполнены телами людей, сложенных штабелями. Хотя со временем они и превратились уже в скелеты, хорошо было видно, что их аккуратно укладывали ряд за рядом лицом вниз. Неплохо сохранившаяся одежда была преимущественно гражданской, но попадались и шинели. Стены были исписаны многочисленными надписями. Но вряд ли кто-то из присутствовавших в данный момент обращал на это внимание.

Шокированные увиденным, люди тихонько, вполголоса, словно боясь потревожить лежащие внизу мощи, переговаривались между собой, высказывая осторожные предположения. Звучали абсолютно противоположные мнения. Кто-то предполагал, что это жертвы предвоенных репрессий, учитывая то обстоятельство, что в здании стоящего по соседству Дворца пионеров в те времена располагались органы НКВД. Другие же склонялись к тому, что это гитлеровцы в период оккупации расстреливали людей и с немецкой аккуратностью выкладывали из тел штабеля.

Мальчишки, совершенно обескураженные и подавленные увиденным, возвращались в школу молча. Не сговариваясь, они прошли мимо лотка со свежими пирожками, даже не взглянув в ту сторону. О еде никто из них даже не помышлял. Перед глазами стояла жуткая картина увиденного, и эти страшные видения теперь не скоро сотрутся из их памяти.

Возвращаясь после уроков домой, Вовка сразу обратил внимание, что центр города перекрыт для автомобильного транспорта. Проходя же мимо злополучного места, он увидел, что оно уже полностью огорожено высоким щитовым забором, за которым стояла глухая тишина. Видимо, все дальнейшие работы были приостановлены.

Вечером, воспользовавшись тем, что отца ещё не было дома, братья долго ловили «вражьи голоса», которые с трудом пробивались сквозь глушилки, пока какая-то радиостанция не сообщила о том, что случилось в советском городе Хмельницком. Западные дикторы однозначно утверждали, что во время строительных работ в подвалах НКВД были обнаружены тела десятков или даже сотен замученных в сталинских застенках людей. И теперь их по ночам тайно будут вывозить за город, в связи с чем полностью перекрыт весь центр города.

– И откуда им всё известно? – удивлялись братья.

На следующий день в школе активно обсуждали вчерашнее чрезвычайное происшествие, слухи о котором молниеносно распространились по всему городу и уже начинали обрастать самыми невероятными домыслами и воспоминаниями непосредственных «очевидцев» и «свидетелей» этих событий.

В начале 1966 год

Памятуя постоянно о поручении брата подбирать кандидатов для привлечения в группу, Вовка внимательно присматривался к одноклассникам, интересовался их увлечениями.

Братья купили в центральном универмаге ещё одну гитару за семь рублей. Теперь они могли каждый день играть вдвоём.

Ещё в Нестерове они переключились с традиционной русской семиструнной гитары, на которой постигали азы, разучивая дворовые песни, на классическую шестиструнку. Для этого недостаточно было снять одну лишнюю струну, но также необходимо было изменить и сам строй гитары.

Для своего репертуара подбирали на слух понравившиеся мелодии и отрабатывали их, проигрывая помногу раз каждый фрагмент до тех пор, пока это не начинало звучать удовлетворительно. Вовка играл соло, а Витька виртуозно обрамлял его красиво подобранными аккордами, отчего звучание становилось гармоничным. Если у Вовки что-то не получалось, брат начинал выходить из себя, проигрывал сам, показывая, как это должно звучать. Если у того опять не получалось, он раздражался, порой срываясь до рукоприкладства. Вовке приходилось десятки раз проигрывать эти пассажи, доводя свои навыки до автоматизма, пока пальцы сами не начинали перемещаться по грифу.

Валерка в творческий процесс не вмешивался и если брал гитару в руки, то лишь для собственного удовольствия. Попоёт вполголоса своих любимых чехов: Вальдемара Матушку или Карела Гота, потешит душу и успокоится. Нащокин-старший не одобрял увлечение сыновей категорически, называя их стилиягами и лоботрясами. Но Тамара Анатольевна не видела в этом ничего предосудительного. Ей даже нравилось слушать их, занимаясь нескончаемыми домашними делами.

Одним из лучших друзей для Вовки стал Юрка Радзивилук, а проще говоря, просто Туз. Вовка заметил, что во время уроков Туз, подобно ему, тоже рисует в своих тетрадках. Наблюдая за его творчеством, Вовка сделал вывод, что Туз был замечательным карикатуристом, ничем не хуже знаменитого Херлуфа Бидструпа, альбомчик с рисунками которого в их доме имелся. Вовка нередко брал его в руки и с удовольствием перелистывал.

Помимо этого, как выяснилось впоследствии, Туз хорошо разбирался в радиотехнике, мог отремонтировать практически любую аппаратуру, свободно читал радиосхемы и сам собирал их, ловко обращаясь с паяльником. Он мог оказаться очень полезным по части изготовления аппаратуры для будущего музыкального коллектива. Вовка поведал Тузу о замыслах по созданию группы, которые тот воспринял на ура и тут же предложил себя в качестве ударника.

Вовка тут же пригласил его домой и познакомил с Витькой. Братья проиграли ему весь свой небольшой пока репертуар. Тому всё понравилось настолько, что он готов был немедленно приступить к реализации проекта по оснащению ещё не созданной группы необходимой аппаратурой.

Туз поведал, что в городе уже есть один ансамбль и он хорошо знает его участников, особенно ударника.

– Его зовут Ярик и у него даже есть собственная настоящая ударная установка. И, вообще, он ударник от Бога. Басист Алик Левандовский учится в десятом классе нашей школы. Все остальные участники школу уже закончили. У них даже ионика есть. Их руководитель, Женька Буднецкий, личность довольно известная. Он твой ровесник. Четвёртый – Денисов. Они как-то раз играли у нас на школьном вечере. Ничего так играют, но я думаю у нас будет не хуже.

В этом деле главное хорошая аппаратура, тем более своя. У Буднецкого ещё есть младший брат Серёга. Тоже неплохо бренчит на гитаре.

– У вас разрешают играть на вечерах? – удивился Витька. И он рассказал Тузу, чем закончилась попытка сыграть на танцах в Нестеровском доме офицеров.

– У нас часто устраивают вечера по субботам. Танцы-шмансы под магнитофон и всё такое. А если у нас будет свой ансамбль, да нас на руках носить будут. Будем играть на всех вечерах и не только в своей школе. А басистом я предлагаю взять нашего одноклассника Гришку Семенюка. Мы его зовём Дантистом. Он говорил как-то, что у него есть гитара и он учится на ней играть. Во всяком случае можно попробовать. И он кое-что перенимает у Серёги Буднецкого, с которым в приятельских отношениях. В дальнейшем эти связи могут быть нам полезными.

– Так, может, нам лучше привлечь этого Серёгу? Тогда вообще все проблемы будут решены.

– Нет, он мечтает о своей группе, в которой видит лидером только себя.

– Ладно, поговори с Гришкой. Скажи, что нам нужен басист. Кстати, почему Дантист?

– Он мечтает стать зубным врачом. И другие варианты даже не рассматривает.

На том и порешили. Туз взялся за дело очень рьяно, без промедления. На следующий день в школе он, при Вовкиной поддержке, начал обработку Дантиста. Вечером все опять собрались у Нащокиных. Дантист пришёл вместе со своим лучшим другом, тоже одноклассником, с которым, к тому же, и сидел за одной партией.

– Он вам лучше подойдёт, чем я. Я не потяну.

Это был Толик Зайцев, которому одноклассники дали короткое, но звучное прозвище Бац. Дело в том, что он часто употреблял в своей речи это слово. И, как все впоследствии согласились, это прозвище ему подходило как нельзя лучше.

Бац был невысокого роста, коренастый. Спину держал прямо, словно, аршин проглотил. Волосы светлые, с рыжим отливом, курносый. Он не делал никаких лишних движений. Каждое у него было выверено и просчитано.

Бац пришёл со своей гитарой, которую достал из чехла, извлёк оттуда же кусок мягкой ткани и тщательно, с невероятно сосредоточенным видом, протёр весь инструмент, не пропуская ни одного изгиба. Все молча, с большим интересом наблюдали за его действиями. С таким усердием и трепетом он делал это, любо-дорого посмотреть. Закончив с этим, он поднял глаза и увидел, что все смотрят на него. Засмутившись, он сдержанно улыбнулся и спросил.

– Ну, что сбавать?

– Просто поиграй, что хочешь, что умеешь, – предложил Витька.

Бац на минуту задумался, провёл по струнам сверху вниз, проверяя настройку инструмента, а затем стал наигрывать какие-то фрагменты и упражнения, демонстрируя свои способности. Чувствовалось, что он был только в начале пути, но делал всё основательно и очень убедительно. И это обнадеживало.

– Для начала неплохо, сыграемся! – подытожил Витька.

Итак, с составом определились. Витька, несомненно, был лидером, признанным всеми участниками. К тому же он был старшим по возрасту, что, безусловно, делало его непререкаемым авторитетом. Он играл на ритм гитаре и определялся с репертуаром. Зачастую сам подбирал все партии, а потом уже расписывал остальным.

Нотами не пользовались по причине музыкальной необразованности. Тем не менее упрощённые записи, называемые табулатурами, делали. Они как раз и нужны тем, кто не знает нотной грамоты, облегчая разбор нот для гитары, помогая понять на каком ладу зажимать ту или иную струну. Зная расположение нот на грифе, это было не так сложно. Всё остальное было делом техники, которая достигалась благодаря упорным тренировкам.

Необходимо было решить ещё один немаловажный вопрос. Как назвать вновь образованный коллектив? Ведь как корабль назовёшь, он так и поплывёт. Посыпались многочисленные предложения, но все они тут же отвергались, пока у Туза не вырвалось:

– Ниагара!

И хотя, услышав это название, все сразу встрепенулись, настолько это было образно, ёмко и звучно, Витька попросил Туза обосновать.

– Ну, во-первых, красиво! Во-вторых мощно! За десятки километров слышен рёв этого водопада! Стоит только произнести Ниагара и никому ничего уже не нужно объяснять. Вот к этому мы и должны стремиться.

– Убедил. По-моему, очень хорошее название. Возражений нет? Принято единогласно!

– Бац-бац и в точку, – многозначительно изрёк Бац и улыбнулся своей открытой улыбкой.

– У Буднецкого-старшего есть инструментальная вещь, тоже, между прочим, называется «Ниагара», – вмешался Гришка Дантист. – Они свои выступления всегда с неё начинают. Можно позаимствовать. Я у его брата Серёги попрошу, он мне покажет. А лучше договорюсь с ним о встрече и Лорда с собой захвачу, может, что-нибудь у него и позаимствует.

– Этому бы Лорду да в морду! – схохмил Витька и довольно захихикал. Но, видя, что его шутки не оценили, одобрительно кивнул Гришке, давая понять, что принимает предложенный им план.

– Давай, договаривайся. Я тоже с вами пойду, – поддержал Бац.

* * *

Туз с головой окунулся в процесс изготовления аппаратуры и преобразование простых акустических гитар в электрические. За несколько дней Вовкина гитара, а Туз начал именно с неё, превратилась в эксклюзивный, многофункциональный инструмент.

Внутри он напихал электросхем, на верхней деке над грифом прикрепил два аккуратных тумблера. Один для включения питания, другой для переключения на электровибратор, что создавало эффект игры на мандолине. Достаточно было один раз дёрнуть струну, а в ответ раздавалась продолжительная трель.

Деку с лицевой стороны он покрасил красным лаком. Под резонаторным отверстием, ниже грифа, прикрепил фигурную, выпиленную лобзиком из плекса пластину чёрного цвета, вывел через неё регуляторы звука и тембра, на которые одел обычные белые крышки от тюбиков с зубной пастой. На грифе приладил декоративные вставочки из белого плекса.

Под струны поставил два, им же изготовленные, звукоснимателя. Справа на обечайке вывел штекерное гнездо, через которое экранированным проводом, пропущенным внутри кембрика, инструмент подключался к усилителю. Получилась не гитара, а картинка на загляденье.

Таким же образом преобразилась и Витькина гитара. Только её Туз выкрасил в чёрный цвет, а пластина под розеткой была уже белого цвета. И окантовочки по границам обечайки с деками беленькие сделал.

– Ну, ты мастер! – похвалил Витька – Ни дать, ни взять – фирма «Vox».

Бацу же на гитару он поставил только один звукосниматель под четыре оставленные басовые струны. Чтобы между ними было равномерное расстояние, пришлось выпилить из плекса и заменить верхний порожек.

Как выяснилось, звукосниматели Туз делал из наушников, которые без зазрения совести извлекались им из трубок в городских телефонных будках. Одна трубка – один наушник. На один звукосниматель требовалось три наушника, внутри которых, под крышечкой, находилась катушка, состоящая из двух обвитых намоткой магнитов, расстояние между которыми как раз соответствовало промежутку между струнами. Сами же катушки, после извлечения из наушников, помещались им в коробочки из прочного пластика.

Такие коробочки за копейки можно было купить в обычных хозяйственных магазинах. Они предназначались для монтирования кнопочных электровзвонков, устанавливаемых при входе в любую квартиру. В такую коробочку как раз помещались три электромагнитные катушки, а всё свободное пространство между ними, для жёсткости, Туз заливал парафином.

Городские телефонные службы, обнаружив пропажу наушников в телефонных трубках, поначалу доукомплектовывали их новыми, но со временем, когда вокально-инструментальные ансамбли стали появляться, как грибы в лесу, конструкцию трубок изменили, усмотрев в этом прямую зависимость. Они стали полностью литыми, без отвинчивающихся крышек.

Но, как выяснилось в дальнейшем – это тоже не помогло. Если прежде Туз элементарно извлекал из трубки только наушник, то теперь его последователи стали тупо срезать их, чтобы затем уже раскурочить в домашних условиях. А всё потому, что в магазинах был жуткий дефицит электрогитар, а тем более комплектующих, из которых умельцы могли бы делать то же самое, но на законных основаниях.

Когда проблема приобрела уже масштабы эпидемии, подключилась милиция. По квартирам пошли участковые. Туз поведал друзьям, что его отец, который был, ни много ни мало, начальником Хмельницкого уголовного розыска, возмущался тем фактом, что находятся вандалы, которые приводят в негодность телефоны-автоматы, срезая трубки.

В дальнейшем, во избежание этого вандализма, кабель, соединяющий трубку с аппаратом, стали защищать витой металлической пружиной.

Колонки, внутри которых устанавливались динамики, дружно мастерили из толстой многослойной фанеры, позаимствованной в школьной мастерской, по договорённости с трудовиком. Монтировали там же, а сверху декорировали тёмно-синей тканью, купленной за копейки всё в том же ЦУМ (е). Динамики, кстати, купили в том же универмаге. На лицевую сторону колонок наклеили вырезанные из пенопласта буквы, из которых составили название группы. Одно латиницей, другое кириллицей. И название музыкального направления, которого они придерживались и исповедовали: «Биг бит». Белые надписи на тёмно-синем фоне выглядели очень красиво и эффектно.

Теперь они называли себя битниками, а тех, кто не воспринимал это течение или недостаточно разбирался в нём – гамбитами. Такое определение в шутку предложил Туз, но все с ним единодушно согласились.

Тем временем Туз, не забывая и о себе, комплектовал ударную установку. Всеми правдами и неправдами он раздобыл обычный пионерский барабан и пару литавровых тарелок. Необходимые кронштейны-подставки сварили на заводе старшие товарищи.

Репетировали обычно у Нащокиных, реже у Туза. У него был старший брат Владимир, которого почему-то прозвали Зямой. Он учился в десятом классе и вскоре стал своим в доску парнем и душой компании. Он, как и Отец, увлекался культуризмом, а также вольной борьбой. Состоял в секции при спортобществе Авангард. Эта увлечённость их и сблизила. Зяма стал осуществлять силовую поддержку группы.

Учителя 1966 год

Тем временем в школе всё шло своим чередом. Вовка отдавал предпочтение гуманитарным предметам. В приоритете у него, по-прежнему, была история. И вскоре, как ему казалось, он даже стал любимчиком исторички Людмилы Гавриловны.

Она, в отличие от прежнего преподавателя, стихами не увлекалась, но постоянно задавала делать рефераты по пройденным темам. Вовкины рефераты отличались более расширенным диапазоном данных, выходявших за рамки школьной программы. В них присутствовали и сделанные им же иллюстрации, и короткие стихотворные отступления собственного сочинения. Чувствовалось, что он подходил к ним не формально.

Преподавательница украинского языка и литературы сразу определила по произношению, что Вовка прибыл из Западной Украины. Хотя географически Хмельницкий, вроде бы, тоже был ближе к западу, тем не менее хмельничане считали, что Западная Украина заканчивается Тернополем и на них не распространяется.

Вообще с языками у него особых проблем не было. Если по гуманитарным предметам он, даже не выучив урок, мог что-нибудь наболтать на положительную отметку, то с точными науками он как-то не дружил. Да и то лишь потому, что учёбе уделял не так много времени, как следовало бы. До двоек, правда, не доходило, за редким исключением, а три балла можно было заработать без проблем. Вот к сдаче экзаменов он всегда подходил ответственно. Занимался, учил и получал только положительные отметки.

Учителя, в основном, были хорошие, но не без исключения. Таким исключением была как раз преподавательница алгебры Майя Гавриловна. Внешне она была даже очень симпатична. Блондинка, с модной стрижкой, лет тридцати с небольшим, с хорошей фигурой, в очках, которые ей очень шли. И одевалась очень стильно, со вкусом. Но всё же веяло от неё холодом и неприступностью. Во взгляде, под стекляшками очков, полное безразличие, рот изогнут в презрительной полуулыбке. Её и прозвали соответственно – Кобра. Она и в класс входила, как на Голгофу, словно для отбывания тяжелейшей повинности. В голосе ощущалась, плохо скрываемая, раздражительность и весь вид её говорил о том, что они все уже виноваты в том, что она вынуждена тут перед ними распинаться.

Может быть, это было и не так вовсе, но по-другому почему-то не воспринималось. К примеру, если доводилось ей протирать доску, исписанную мелом, так одно то, как она брала двумя пальцами тряпку, с такой брезгливостью, словно это был какой-то слизняк или лягушка, уже о чём-то говорило. Если же она кого-то невзлюбила, то начинала его со всей очевидностью гнобить, или просто игнорировать, не давая возможности исправить отрицательную отметку, тем самым показывая ученику его полную зависимость от неё.

Вовке она чем-то напоминала приснопамятную Марию Ивановну из Ужгородского интерната. Иногда класс в полном составе объявлял ей бойкот. Это выражалось в том, что все, как один, стараясь заглушить её голос, с закрытым ртом и невозмутимым выражением лица начинали мычать носом. Монотонно, на одной ноте и непрерывно. Чувствовалось, что это выводило её из себя неимоверно. Хотя, внешне это никак не проявлялось.

Когда Вовка впервые стал свидетелем подобной выходки, он и сам был немало шокирован этим. Она же спокойно села на стул, нога на ногу. Достала из портфеля, который у неё всегда лежал на столе, какую-то книгу и с невозмутимым видом стала читать, время от времени демонстративно позёвывая. Видя, что мычание на неё не действует, гудение прекращали. И она, отложив книгу в сторону, как ни в чём не бывало, продолжала урок дальше.

Всё это было, мягко говоря, непривычно, если не сказать дико, для Вовки, воспитанного с понятием непреложной истины, что взрослый, тем более учитель, всегда прав и слушать его нужно безоговорочно. И поначалу его даже не покидало ощущение собственной вины и ответственности за то, что вытворял класс по отношению к ней. Но в дальнейшем чувства товарищества и солидарности взяли всё же верх над его внутренними терзаниями.

Уже на следующем уроке она стала вызывать одного за одним предполагаемых зачинщиков неудавшегося бойкота к доске. И несмотря на то, что те основательно готовились к уроку и, худо-бедно, могли ответить по текущей теме, она всё же изыскивала возможность засыпать их дополнительными вопросами и ставить двойки.

В связи с тем, что понедельник были полностью отданы черчению, все предметы, которые были им вытеснены на другие дни, стали спаренными. У Кобры тоже были спаренные уроки. И вот в очередной раз она, вопреки ожиданиям некоторых одноклассников, получивших в прошлый раз двойки, не только не давала им возможности исправить свои отметки, а в продолжение своих экзекуций щедро одаривала ими и других. Недовольство этим нарастало и ширилось, тем более что четверть подходила к концу и никому не хотелось получить в итоге отрицательную отметку. Но на втором уроке она планировала читать уже новый материал, о чём сама же и предупредила, когда прозвенел звонок. А класс снова готовился к бойкоту.

На перемене Вовка с Графом, на правах дежурных, под предлогом проветривания помещения, выгнали всех из класса. После чего Граф с Генкой Самигулиным, по прозвищу Гуля, зачем-то отправились к нему домой. Он жил в небольшом частном домике, с маленьким огородиком, примыкающим вплотную к школьной территории. А Вовка тем временем что-то колдовал с входной дверью. Вернувшись, буквально через пять минут, Граф сразу метнулся к учительскому столу, на котором, по обыкновению, лежал портфель Кобры. Открыв его, он засунул туда большую лягушку, которую прятал за пазухой и с хитрым видом подмигнул Вовке:

– У меня всё на мази, как у тебя?

– У меня тоже! – Вовка утвердительно кивнул и поднял вверх большой палец.

Они закрыли окна и открыли дверь. В класс стали возвращаться одноклассники. Прозвенел звонок и вошла Кобра. Она сходу объявила новую тему и, отвернувшись к доске, стала аккуратно и неспешно выводить мелом на доске её название.

И тут за спиной у неё послышался, одиночный сперва, негромкий гул, который тут же стал подхватываться остальными, всё усиливаясь и разрастаясь, пока не превратился в общее монотонное мычание. Кобра, поняв, что класс снова бойкотирует её, молча присела к столу.

– Ну, что же! Продолжим в перерыв.

Некоторое время она ещё обводила класс абсолютно невозмутимым взглядом, переводя его с одного лица на другое, пытаясь поймать в ответ хоть один встречный взгляд, но на неё никто не смотрел открыто. Потом лениво, не торопясь, она потянулась к своему портфелю и, щёлкнув замком, чуть приоткрыла его и сунула туда руку.

Продолжая мычать, все исподтишка наблюдали за её действиями. Вдруг, выражение лица её изменилось. С брезгливой гримасой она приоткрыла портфель пошире и испуганно отдернула руку. Вслед за этим оттуда выскочила здоровенная лягушка и, сделав ещё один прыжок в её сторону, замерла у края стола. Кобра резко подскочила со стула, опрокинув его, и бросилась к двери.

– Ну всё! Хватит! Я к директору!

Вцепившись в ручку, она, пытаясь открыть дверь, резко дёрнула её на себя. Но ручка легко и без усилий отделилась, а дверь при этом осталась запертой. За спиной захихикали. Это ещё больше вывело её из себя, и она истерично закричала:

– Откройте, немедленно! Идиоты! – и замахнулась на класс рукой, с зажатой в кулачке ручкой, но затем, опомнившись, отшвырнула её в угол.

Один из ребят, сидящих ближе к выходу, подскочил и открыл дверь с помощью перочинного ножа, который имелся в кармане любого мальчишки.

Едва она выбежала в коридор, Вовка с Графом прикрутили ручку на место и подняли опрокинутый стул. Потом Граф взял осторожно лягушку, которая каким-то чудом продолжала сидеть, удерживаясь на краю стола, выпучив глаза и раздувая шею. Приоткрыв окно, он отпустил её в свободный полёт. Благо для неё – это был первый этаж, а под окном – цветочная клумба.

Через несколько минут в класс твёрдой поступью вошла директрисса Мария Григорьевна. Закрыв за собой дверь, она, как бы ненароком, подёрнула ручку, но та прочно сидела на своём месте. Той же тяжёлой поступью, а женщина она была дородная и представительная, прошла к окну, заложив, по обыкновению, руки за спину.

Класс затих в ожидании разноса. Все сидели, сложив перед собой, как положено, руки и уткнувшись глазами в парту, не осмеливаясь встретиться с ней взглядом. Она молча прошла по проходу между партами. Потом, выйдя опять к доске, начала говорить, продолжая стоять, чётко чеканя каждое слово.

– Я не знаю, что тут у вас произошло, но вы очень обидели своего преподавателя. Учитель приходит на урок, чтобы дать вам новые знания, научить вас думать и понимать эту сложную и невероятно интересную науку. Без которой ни один из вас не сможет обойтись в дальнейшей жизни. Перед ней стоит непростая задача донести до каждого из вас самую суть её. И вместо того, чтобы благодарно внимать и усваивать то, что она вам даёт, вы устраиваете ей бойкоты и срываете урок.

Вот вы сейчас живёте на всём готовом. Обуты, одеты, накормлены. У вас только одна обязанность: учиться, учиться и учиться, как завещал наш великий вождь Владимир Ильич Ленин. Он сделал всё, чтобы у вас была такая возможность. Так учитесь и будьте благодарны старшему поколению, которое прошло через тяжелейшие испытания и лишения, ради светлого будущего. Вашего будущего, прежде всего. Чтобы у вас была возможность выучиться и быть полезными своему обществу и стране.

Выговаривая всё это, она не стояла на месте, а перемещалась вдоль доски от окна к двери. Подойдя в очередной раз к окну, она задержалась и, замолчав, уставилась в него, о чём-то задумавшись. Пауза несколько затянулась. В классе повисла звонкая тишина. Затем, словно очнувшись, она продолжила.

– Вот меня, молодую учительницу, девчонку ещё, партия направила в село, доверив учить крестьянских детей грамоте. У этих детей была такая тяга к знаниям, что они разутые, плохо одетые, голодные убегали в школу, часто против воли родителей. Кулаки угрожали мне расправой и поджигали избу, и даже в окно стреляли, запугивали, чтобы я уехала, сбежала, бросила всё. Даже, было, вывезли ночью на санях в степь, в мороз, и грозились убить, если вернусь. Но я не могла не вернуться. Ведь мои ученики верили мне и надеялись на меня. Мне просто нельзя было обмануть их надежды. Я, конечно, вернулась, хотя и страшно было, не скрою. Много чего довелось вынести мне и моим ученикам, но я ничуть не жалею об этом. Я знаю, что все мои ученики стали очень достойными людьми.

Так что, делайте выводы и думайте каждый своей головой, прежде, чем срывать уроки. В противном случае, чем вы лучше тех кулаков? Я вас пока не буду никак наказывать. Надеюсь на вашу сознательность. Но если впредь повторится что-либо подобное, выгоню с треском. Не обессудьте!

Ещё один представитель педагогического коллектива или халдеев, как называли своих учителей герои нового фильма «Республика ШКИД», только что вышедшего на экраны страны, заслуживает того, чтобы сказать о нём несколько больше, чем о других. Хотя, справедливости ради, любой из них достоин того, чтобы о нём написали отдельную книгу.

Этого уникального человека звали Илья Моисеевич и был он преподавателем черчения.

Внешне он выглядел очень комично. Маленького росточка, с невероятно толстыми линзами очков в тяжёлой оправе, которые чудом держались на самом кончике носа, в связи с чем он, для того, чтобы что-то разглядеть через них, вынужден был без конца поправлять их пальцем и далеко назад откидывать голову, отчего его и без того большие карие глаза становились просто огромными. При этом длинные и густые брови, словно крылья, удивлённо взмывали вверх.

Первое, что сразу бросалось в глаза, это костюм, бывший на нём. Он был, как минимум, на два размера больше требуемого. Брюки были настолько длинны, что крупными складками накрывали его обувь, а при ходьбе всё время норовили попасть под пятки. И он был вынужден периодически подтягивать их чуть ли не под мышки. Так же и рукава пиджака его доходили до самых кончиков пальцев. Поэтому он, прежде чем взять что-либо в руки, вытягивал их высоко над головой, а затем, опуская, несколько прижимал локти к туловищу, чтобы придержать рукава.

Илья Моисеевич не просто и занудно произносил перед школярами свой напыщенный монолог, видно было что он просто, невероятно как, обожал выступать перед публикой. При этом он совершенно не мог стоять спокойно. Он весь был в движении, словно на шарнирах. При этом постоянно раскачивался с пятки на носок, эксцентрично жестикулируя руками. Но настоящим удовольствием было наблюдать за его живой мимикой. Чувствовалось, что он и сам от себя получает нескончаемое удовольствие. О себе он говорил исключительно в третьем лице и только в хвастливо хвалебных тонах.

– Илья Моисеевич знает, что говорит. Илья Моисеевич инженер-конструктор от Бога. Не ценят Илью Моисеевича, а он настоящий гений и большой учёный. Ему бы читать лекции студентам в известных университетах не то, что страны – мира, а он вынужден прозябать тут и выступать перед неблагодарными школярами. Вся страна учится по моим учебникам, – при этом он доставал из своего бездонного портфеля, одну за одной, внушительных размеров книги и демонстрировал всем свою фамилию на обложках.

– Только я могу научить вас правильно и грамотно чертить. Вы все, благодаря мне, к окончанию школы станете настоящими инженерами-конструкторами. При поступлении в технические ВУЗ (ы), вас будут принимать вне конкурса, как только узнают, что вы были учениками самого Ильи Моисеевича. Читайте, что вам в жизни невероятно повезло.

Первое время ученики, слушая его, потешались неимоверно как. Настолько это было не просто нелепо, а неимоверно комично. Он напоминал им Чарли Чаплина и Карандаша одновременно. А со временем школяры изучили все его слабости и всегда этим успешно пользовались.

Для того, чтобы изменить тему урока или просто повеселиться, его достаточно было чуть подзадорить, лишь слегка напоминая о его необычайной значимости. И он тут же заводился с пол оборота и начинал в который раз перечислять все свои заслуги и достоинства. А едва запал его начинал гаснуть, кто-нибудь подкидывал ему очередную затравку и всё начиналось сначала.

– А вот Эльвира Сергеевна говорит, что черчению уделяется слишком уж большое внимание, – подбрасывал кто-то.

– А это кто? – настораживался он.

– Это наша классная.

– Да? И что же она преподаёт?

– Биологию.

– Что-о-о? – с презрительным удивлением вопрошал он и брови снова крыльями взмывали вверх. – Жабы, что ли? Тьфу-у-у!

Класс взрывался дружным хохотом, а он, видя, что определение его пришлось ко двору, самодовольно потирал руки и феерично раскачиваясь с каблука на носок, победоносно озирает аудиторию.

А ученики, сами того не сознавая, порой обходились с ним довольно жестоко. Как-то в класс во время урока заглянула Эльвира Сергеевна, чтобы сделать какое-то объявление, а он, увлечённый процессом, этого не заметил. Он рассказывал что-то важное о необходимости черчения во всех сферах человеческой деятельности, и Эльвира Сергеевна терпеливо ожидала момента, когда можно будет заявить о себе и цели своего прихода.

– А вот Эльвира Сергеевна говорит..., – неожиданно перебил его кто-то из оболтусов.

– Что-о-о? – словно споткнувшись, Илья Моисеевич вынужден был прерваться, чтобы выразить всё своё негативное отношение к услышанному. – Опять жабы? Головастики? Эльвира Сергеевна? Нашли мне авторитет! Лягушки! Тьфу!!!

– Ну, знаете ли!!! – возмутилась Эльвира Сергеевна и выскочила из класса.

Илья Моисеевич, обескураженный произошедшим, растерянно взирал то на дверь, то на класс, не зная, что предпринять.

Помимо всего прочего, Илья Моисеевич был страшный матерщинник. Бывало, разбирая чертежи своих учеников и обнаружив там какие-то неточности или помарки, он не сдерживался в выражениях и, чтобы обозначить своё истинное отношение к данному факту, и в то же время пытаясь обезопасить себя от нежелательных последствий, не отрываясь от чертежа, обращался к аудитории:

– Девочки е-е-есть?

В ответ на что дружный мальчишеский хор кричал:

– Не-е-ет!

И тогда Илья Моисеевич с чистой совестью начинал смачно выдавать перлы ненормативной лексики, которой он владел в совершенстве. Когда же выяснялось, что его обманули, тут же пытался неловко оправдываться:

– Меня подставили, ведь я же спрашивал, ну вы же слышали? – брови его снова взлетали на лоб. Но в ответ звучало дружное:

– Не-е-ет!

Впоследствии, чтобы избежать подобных неприятностей, он поделил класс на две группы, отделив мальчиков от девочек, и уже со спокойной совестью продолжал упражняться в собственном красноречии. Но, на всякий случай, всё же подстраховывался, спрашивая класс о присутствии девочек.

Илья Моисеевич жил неподалёку от школы, на улице Фрунзе, аккуратно напротив городской тюрьмы, огороженной от внешнего мира высокой белокаменной стеной. Его ученики, зная об этом, не могли не использовать этот факт, чтобы не поприкалываться над ним. Особенно преуспел в этом Граф, обладающий даром искусно имитировать любой голос. Выглядело это примерно так.

– Алло, это Илья Моисеевич? – говорил он голосом, хорошо известным адресату, например, директрисы.

– Ну да, это я!? – не то восклицал, не то спрашивал тот, словно сам был не уверен в этом. – Я Вас внимательно слушаю, Мария Григорьевна!

– Илья Моисеевич! Вы всё ещё живёте дома или, таки, уже напротив?

Тут только до него доходило, что его просто разыгрывают, но природная интеллигентность и воспитание не давали ему возможности положить трубку раньше «директора» и он терпеливо ожидал, когда это сделает звонивший.

В другой раз «голос директрисы» в трубке срочно вызывал его в школу. А на улице зима и уже одиннадцать часов вечера. А стайка бездельников у телеграфа, потехи ради, вытянувшая пожилого уже человека из дома и, скорее всего, из постели, ждёт, когда он просеменил мимо

них по противоположной стороне улицы. А те, убедившись, что их уловка удалась и, утратив тут же всякий интерес к последнему, начнут потихоньку расходиться по домам.

Но всё же, справедливости ради, надо отметить, что школяры относились к нему очень хорошо. Зла на него никто не держал, да и не за что было. Наоборот, он был одним из любимых, если не самым любимым преподавателем. Уроки черчения посещали с большим удовольствием, особенно после раздела класса на две группы, в результате чего каждый второй понедельник стал выходным.

И всё же, что удивительно, при всей своей колоритности, Илья Моисеевич не заработал себе никакого прозвища. Даже просто упоминая его в разговоре, все называли его по имени отчеству.

Был ещё один очень прелюбопытнейший персонаж из преподавательского сообщества – учитель труда Павел Максимович, по прозвищу Таракан.

С первого взгляда трудно было понять, почему его так прозвали, разве что за рыжие, слегка выющиеся, волосы на уже лысеющей голове. Но уже через некоторое непродолжительное время после знакомства и общения с ним становилось абсолютно понятно, что это более, чем подходящее прозвище, которое ему можно было придумать.

Кто и когда придумывал эти прозвища было неизвестно. Да никто, по большому счёту, об этом не задумывался. Прозвища, как и сами преподаватели, передавались, если можно так выразиться, по наследству, от старших младшим.

У Таракана было только одно увлечение – фотографирование. Фотоаппарат всегда был при нём. Он не отказывал никому, фотографировал всех желающих, но фотографии вручал только тем, кто готов был за них заплатить. Но надо отдать ему должное, фотографии были очень качественные. Ну, собственно говоря, почему он должен был раздавать их бесплатно? Это занятие стоит денег и не малых. Нужно содержать целую фотолабораторию, оснащённую всем необходимым оборудованием, покупать плёнку, фотобумагу, реактивы.

> Вовка в младших классах, ещё когда они жили в Нестерове, тоже некоторое время посвятил этому мимолётному увлечению. Ходил даже в фотокружок при доме пионеров. Но недолго. А вот брат Витька занимается фотографией основательно и все фото, какие у них имелись дома, были сделаны его руками.

Музыка 1966 год

В ближайшее воскресенье Дантист, как и обещал, повёл Лорда и Баца к Сергею Буднецкому, с которым заранее условился о встрече. Он их уже ждал, правда дальше прихожей не допустил. Дантист представил ему Вовку.

– Серый, это тот самый Лорд, о котором я тебе говорил.

– Наслышан, – сказал Серый и Вовка понял, что Дантист заранее сообщил ему всю необходимую информацию, так что можно было сразу переходить к делу.

– Что интересует? – опередил его Серый.

– Для начала – «Ниагара».

Серый поднял колено левой ноги вверх, упершись пяткой в стену. Пристроив на него гитару, он стал по очереди дёргать каждую струну, проверяя настройку. Убедившись, что гитара настроена, взял несколько контрольных аккордов.

– Запоминай! – сказал он и стал играть очень симпатичную мелодию. Вовка никогда ранее не слышал её, но готов был воспроизвести по памяти. Серый остановился и передал ему гитару и он, сначала сбиваясь, стал наигрывать, подбирая на слух. Когда всё сложилось, он для закрепления повторил предложенный фрагмент раза три и лишь убедившись в том, что всё запомнил, вернул гитару Серому. Тот, скептически наблюдавший за Вовкой, взял гитару, всем своим видом давая понять: до чего же надоели ему эти дилетанты-самоучки.

Потом Серый наиграл несколько рок-н-рольных вариаций. Но Вовке показывать не стал, только снисходительно улыбался, нарочито демонстрируя своё превосходство. Но Вовка кое-что запомнил зрительно, остальное надеялся подобрать дома, на слух.

Дома Вовка сыграл брату «Ниагару». Мелодия тому понравилась. Они проиграли её бесчётное количество раз, прежде чем довели работу пальцев до автоматизма.

Репетиции проводились каждый день. Члены группы уже достаточно притёрлись друг к другу и практически понимали друг друга с полуслова. Репертуар был пока небольшой, но основательно проработан, и группа в принципе была готова к выступлению перед публикой. Оставалась одна проблема – приобрести усилители.

Впрочем, эта проблема быстро решилась. Туз узнал, что в центральном универмаге они продаются. Ознакомившись с техническими характеристиками, он понял, что это то, что им нужно.

Это были трёхваттные усилители стоимостью восемнадцать рублей. И размером они были с фильмоскоп. Решено было их приобретать. О том, что их раскупят, можно было не волноваться. В то время ещё не было повального увлечения электронной музыкой, и они могли простоять на полках довольно долго, пока какой-нибудь умелец-самоучка не наткнулся бы на них. К счастью, таким умельцем в «Ниагаре» был Туз.

Они, не откладывая, отправились в универмаг и купили сразу три усилителя в рассрочку. Теперь группа технически была оснащена полностью. Но, чтобы о них узнали и стали приглашать на какие-либо мероприятия официально, нужно было заявить о себе во всеуслышание.

Они стали постоянно держаться вместе, чаще ходить на школьные вечера в те школы, где проводились подобные мероприятия, в надежде на то, что им удастся где-нибудь дебютировать. Но, так как в другие школы посторонних чаще старались не пропускать, то приходилось идти на различные ухищрения, чтобы туда проникнуть. Иногда это удавалось по договорённости с кем-нибудь из знакомых приятелей, там учившихся. Они незаметно открывали окно на первом этаже и вопрос быстро решался.

Ансамблей в городе было раз-два и обчёлся. Это Буднецкий старший, да солдаты-ракетчики, называвшиеся «Звездой», которые рады были возможности играть где угодно, лишь бы вырваться за пределы части и немного расслабиться. Хотя одиночек музыкантов было достаточно, но их хватало только на то, чтобы горланить во дворе блатные песни.

КВН 1966 год

Валерку призвали перед ноябрьскими праздниками. Произошло это как-то просто и буднично. Повестка пришла накануне. Валерка воспринял это спокойно, без эмоций. Подготовил, что посчитал нужным взять с собой. Собрался, как подпоясался. Проводов не делали. Только утром батя наполнил водкой две чайные чашки. Они молча выпили, даже не закусив.

– Ну, давай, Валерик! Служи достойно, не подведи.

Через неделю от него пришло первое письмо. Обычный солдатский треугольник, без марки, но с почтовыми штампами. Обратным адресом было указано: город Остров, Псковской области и номер части. Он писал, что попал в учебку, в которой будет постигать азы воинской службы и армейской специальности в течение шести месяцев, а уже потом, в звании младшего сержанта, оставшиеся два с половиной года будет служить в любой точке Советского союза, куда, по воле командования, его забросит судьба.

А вскоре в школе состоялся вечер, на котором состязались две команды КВН. Сборная учащихся одной из школ города Тернополя соперничала со сборной командой хмельницкой школы №16.

Впервые передача КВН вышла на советские телеэкраны в конце шестьдесят первого года и за пять лет, прошедших с тех пор стала невероятно популярной. Название передачи было придумано в честь марки телевизора КВН-49. Телевизор был назван так по первым буквам фамилий трёх инженеров, разработавших его: Кенигсон, Варшавский и Николаевский. Почти половина телеприёмников из-за частых поломок подвергалась гарантийному ремонту, в связи с чем народ в шутку расшифровывал эту аббревиатуру как «Купил-Включил-Не работает». Поэтому авторы программы и взяли за основу эту, бывшую у всех на слуху аббревиатуру, расшифровав её по-новому «Клуб Весёлых и Находчивых».

Поначалу у КВН не было постоянных ведущих и, пока это не случилось, кто её только не вёл. Передачу вели по очереди актёры: Наталия Фатеева, Александр Белявский, Олег Даль, Олег Борисов, режиссёр театра МГУ Альберт Аксельрод, который был одним из авторов проекта, диктор телевидения Светлана Жильцова и затем уже студент МИИТ Александр Масляков. В последствии Жильцова с Масляковым стали вести эту передачу вдвоём.

Следуя новомодному течению, в школах тоже стали создавать команды КВН. Школьное руководство это начинание всячески приветствовало и поощряло, видя в нём немало плюсов. Это начинание способствовало большему сплочению коллектива, развитию навыков общения, как со сверстниками, так и с взрослыми. Расширяло кругозор, отвлекало ребят от праздных шатаний по улицам. Помимо внутришкольных состязаний, то есть класс на класс, организовывали встречи между школами, а иногда и между городами.

Вот и на этот раз должен был состояться поединок между Хмельницкой и Тернопольской командами КВНщиков. Всё было согласовано заранее и у команд было достаточно времени на подготовку. Заранее был разработан и утверждён план и сценарий мероприятия и отходить от него не было ни возможности, ни смысла, а тем более допускать вольные импровизации. Политики не касались вовсе и по сути своей это действо скорее напоминало вечер вопросов и ответов с элементами юмора.

По ходу состязаний интеллектуалов вставлялись номера художественной самодеятельности, которые представляли и исполняли два молодёжных коллектива. Тернопольский ансамбль исполнял только инструментальные композиции, служившие фоном тем действиям, которые команда гостей демонстрировала на сцене. Или в перерывах между ними.

Группа Женьки Буднецкого, выступавшая за хмельницкую команду, исполнила пару песен и несколько инструментальных композиций. Но самым писклом было то, что начали они с рок-н-ролла, под который хмельницкая команда танцевала шейк, изображая разлагающуюся западную молодёжь. Всё это действие Буднецкий предварил многозначительной репликой: «А в это время на диком Западе...». Зрители, разумеется, поняли хитрую уловку, рассчитанную на директрису, которая ни за что бы не позволила подобные выкрутасы. Но, как пародия, это прошло на ура.

– Нужно запомнить и взять на вооружение, – многозначительно изрёк Туз, обращаясь к Лорду и Бацу, сидевшим рядом с ним.

– Жаль, Отца тут нет, – продолжил он.

Отцом стали называть Витьку, так как он, на что все окружающие уже обратили внимание, постоянно подчёркивал своё превосходство в возрасте и, поучая молодёжь, постоянно приговаривал: «Папа знает, что делать» или «Не учите отца жить...», «Как отец сказал, так и будет» и тому подобное.

Вследствие этого, прозвище приклеилось само собой. И с тех пор к нему иначе и не обращались.

Дебют 1966 год

Тем временем дело шло к Новому году. Стало известно, что руководство школы пригласило солдатский ансамбль «Звезда» на новогодний вечер. Друзья поняли, что это реальный шанс заявить о себе, если им удастся договориться с ракетчиками и те пойдут им навстречу. Ведь захочется им перекурить или в туалет сходить, в конце концов. За это время вполне реально сыграть две, а то и три вещи. Этого будет более, чем достаточно. Нет, такой шанс упускать нельзя. Да они и не сомневались в том, что у них всё получится, и стали усиленно готовиться.

Пока они играли только инструментальщину. В основном из репертуара английской группы «Шейдовс»¹. У них были невероятно красивые мелодии, которые подбирали на слух, буквально раз-другой прослушав по приёмнику. Но после того, как в очередном выпуске журнала «Кругозор», который выписывал батя, они обнаружили некоторые из этих вещей, в исполнении недавно организованного ленинградского вокально-инструментального ансамбля «Поющие гитары», дело пошло на лад. Теперь у них не было проблем с подбором мелодий. Можно было прослушивать пластинку не один раз.

«Кругозор» выходил раз в месяц. Это был литературно-музыкальный иллюстрированный журнал, небольшого формата, с аудио приложениями в виде шести гибких грампластинок голубого цвета. На них записывались песни популярных исполнителей и звёзд советской эстрады.

Бумажные страницы, вполне естественно, в процессе эксплуатации деформировались и при прослушивании пластинок порой возникали трудности. Игла звукоснимателя просто соскальзывала с пластинки, царапая её и, в конце концов, приводя в негодность. В дальнейшем, чтобы избежать этого, приходилось пластинки вырезать из журнала ножницами.

Друзья жили теперь в ожидании столь значимого для них вечера. С волнением предвкусывая своё первое выступление на публике, и, с осознанием того, что как только это свершится, они станут знаменитыми в своей школе. Да и не только в школе. Вовка мысленно представлял, как удивятся одноклассники, как они будут поражены, так как о том, что они создали ансамбль, никому пока не было известно.

И вот этот день наступил. Накануне собрались у Туза дома, провели генеральную репетицию. Они не знали, сколько им удастся сыграть мелодий, но определились с теми, которые сыграют обязательно. Начать они хотели композицией «Дом восходящего солнца» из репертуара американской группы «Энималз»². Она занимала ведущие места в западных хит парадах и поэтому её нередко можно было поймать и послушать по приёмнику. Им посчастливилось записать её на магнитофон. Отец подобрал её и включил в репертуар. Эта красивая мелодия стала основной в их небольшом пока репертуаре. Для краткости они называли её «Солнечный дом».

Вторым номером шла композиция английской группы «Шейдовс» под названием «Апачи». Индейская тема была очень популярна, так как в кинотеатрах постоянно шли фильмы про американских индейцев, которые в больших количествах снимались гэдээровской киностудией «Дефа», а позднее киноконцерном ФРГ, совместно с Францией и Италией. Главные роли в них обычно исполнял югославский актёр Гойко Митич. Увлекательные сюжеты,

¹ The Shadows (с англ. – «Тени») – британская инструментальная рок-группа (хотя иногда выпускались и песни с вокалом), образованная в Лондоне в июле 1959 года.

² The Animals (с англ. – «Животные») – британская рок-группа, образованная в Ньюкасле в 1959 году, начинавшая на блюзовой и ритм-энд-блюзовой сцене Ньюкасла и Лондона.

яркие образы и невероятно красивая природа сопровождалась чудесной романтической музыкой.

Ну, а если им предоставится возможность сыграть ещё что-нибудь, а они на это очень надеялись, то они сыграют инструментальный медляк на тему русской народной песни «Вот мчится тройка почтовая», которую в исполнении какой-то студенческой группы они случайно услышали по телику. Понравилась интересная самостоятельная интерпретация. Вовка тут же на слух подобрал сольную партию, а остальное уже было делом техники и нескольких репетиций.

Туз настаивал на том, что лучше будет сыграть какой-нибудь шейк. К 1965 году этот танец обошёл по популярности твист. Разумеется, ему не терпелось показать себя, как барабанщика, во всей красе.

31 декабря участники «Ниагары» в полном составе опять собрались у Туза дома. До шести вечера было ещё много времени. Его брат Зяма предложил посидеть в «Машке», обсудить план дальнейших действий. Кафе со звучным названием «Мрія», мечта по-русски, а в обиходе, почему-то, просто «Машка», было буквально в двух шагах, на пересечении улицы Гагарина, где, собственно, и проживал Туз, с улицей Фрунзе. Прежде зашли в ближайший гастроном у театра Петровского, где был винный отдел, и взяли бутылку биомицина. Производное от названия «Біле міцне» на украинском языке. В русском переводе это означало «Белое крепкое».

Устроились в уголке у окна, заказав, для видимости, по чашечке кофе и по стакану сока. Выпив сок, друзья незаметно разлили вино по стаканам и, не чокаясь, выпили за успех. Чокаться было не принято, чтобы не привлекать к себе внимание. Тем более, что распитие алкогольных напитков здесь не разрешалось, о чём недвусмысленно говорили развешанные на видных местах таблички. Вместо этого, по команде «замкнули!», одновременно касались стаканами торца стола. Закусили мороженым, перекурили и, не торопясь уже, отправились в школу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.